79 6/164

79 6/164

Густавъ Экштейнъ.

79 6/164

ВОЙНА
И
БУДУЩЕЕ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

Переводъ съ нѣмецкаго

М. РОЗЕНФЕЛЬДЪ.

Съ предисловіемъ

П. П. МАСЛОВА.

2-ое изданіе.

МОСКВА.
Соціалъ-демократическое издательство
„Дѣло".

Густавъ Экштейнъ.

19 к/16.

ВОЙНА
И
БУДУЩЕЕ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

Переводъ съ нѣмецкаго
М. РОЗЕНФЕЛЬДЪ.

Съ предисловіемъ
П. П. МАСЛОВА.

2-е изданіе.

1917 г.
Издательство „ДѢЛО“.

Типо-лит. Торговый Домъ „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°“ въ Москвѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По мѣрѣ приближенія войны къ ея концу, все болѣе и болѣе выдвигается и встаетъ огромный и важный вопросъ о народномъ хозяйствѣ послѣ войны.

Война внесла такія измѣненія въ народно-хозяйственную жизнь, внесла столько раззоренія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создала столько новыхъ организацій, которыя или не существовали до войны, или имѣли раньше ничтожное значеніе, внесла столько измѣненій въ организацію производства, въ распредѣленіе національнаго дохода и т. д., что значеніе вопроса о будущемъ народнаго хозяйства едва ли въ достаточной мѣрѣ можно переоцѣнить.

Наибольшія измѣненія въ народномъ хозяйствѣ во время войны произошли въ Германіи не только потому, что тамъ мы видимъ максимальное напряженіе ея силъ въ колоссальной міровой борьбѣ. Измѣненія произошли и потому, что Германія, имѣвшая до войны обширную международную торговлю, теперь, во время войны, болѣе другихъ странъ изолирована англійской

блокадой и поставлена въ совершенно особыя хозяйственныя условія.

Приспособляясь къ новымъ условіямъ, общественные классы Германіи въ различной степени терпятъ лишенія, считая эти лишенія временными, вызванными внѣшней опасностью.

Но прекратится война, лишенія „во имя интересовъ цѣлаго“ потеряютъ свой смыслъ и передъ народнымъ хозяйствомъ встанетъ вопросъ о дальнѣйшей его организаціи и предстоящей „демобилизаціи“.

Этотъ вопросъ объ организаціи хозяйства послѣ войны привлекаетъ усиленное вниманіе представителей экономической науки въ Германіи, понимающихъ, какъ важно своевременно учесть и оцѣнить предстоящія перемѣны въ хозяйственной жизни страны и своевременно къ нимъ подготовиться и подготовить ея общественное мнѣніе.

Такого же рода перемѣны—въ большей или меньшей степени—предстоятъ и въ другихъ воюющихъ странахъ.

Поэтому брошюра Густава Экштейна представляетъ большой интересъ не только, какъ попытка соціалъ-демократа освѣтить предстоящія измѣненія въ хозяйственной жизни Германіи и существующіе тамъ взгляды на этотъ вопросъ, но представляетъ и общій интересъ, такъ какъ и въ другихъ странахъ предстоятъ аналогичныя измѣненія въ хозяйственной жизни. При современныхъ хозяйственныхъ международныхъ отношеніяхъ всякія измѣненія хозяйственнаго и соціальнаго строя въ одной странѣ неизбѣжно отражаются на хо-

зяйственномъ и соціальномъ строѣ другихъ странъ. Это взаимное вліяніе экономическаго строя капиталистическихъ странъ другъ на друга придаетъ не только теоретическій интересъ соціальнымъ опытамъ, которые дѣлаются въ той или другой странѣ.

Прежде, чѣмъ высказаться по существу изложенныхъ Г. Экштейномъ взглядовъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ авторѣ.

Умершій 27 іюля н. ст. въ Цюрихѣ Густавъ Экштейнъ былъ членомъ редакціи марксистскаго журнала „Neue Zeit“ и ближайшимъ помощникомъ Каутскаго.

Экштейнъ являлся однимъ изъ немногихъ теоретиковъ германской рабочей партіи, посвятившимъ себя исключительно теоретической литературной и лекторской работѣ и не захваченнымъ организаціонной и политической практикой рабочаго движенія. Здоровое теоретическое чутье спасло его какъ отъ имперіалистскихъ увлеченій праваго крыла рабочей партіи, такъ и отъ увлеченій крайняго лѣваго крыла, ожидающаго въ ближайшемъ будущемъ полнаго упраздненія капиталистическихъ отношеній. Его вѣрность основнымъ методологическимъ пріемамъ марксизма, далекимъ отъ „приспособляемости“ праваго крыла рабочей партіи и отъ утопизма крайнихъ лѣвыхъ, дѣлаетъ очень цѣнными его соображенія о будущемъ германскаго народнаго хозяйства.

Анализируя перемѣны, происходящія въ экономической жизни Германіи во время войны, Экштейнъ, какъ и другіе, цитируемые имъ, экономисты, не останавливается на томъ, благодаря чему произошли эти пере-

мѣны, являются ли онѣ результатомъ недостаточной приспособленности капитализма къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявила война къ народному хозяйству Германіи, или, напротивъ, эти измѣненія происходили благодаря тому, что господствующіе классы оказались слишкомъ сильны и государственный, „военный соціализмъ“, правильнѣе, каторжный соціализмъ Германіи служитъ признакомъ ихъ силы.

Если бы Экштейнъ остановился на этой сторонѣ вопроса, то, по нашему мнѣнію, онъ долженъ былъ бы прійти къ нѣсколько другимъ выводамъ, болѣе конкретнымъ, чѣмъ тѣ, которые онъ сдѣлалъ.

Война потребовала отъ Германіи такъ же, какъ и отъ другихъ государствъ, необычайнаго напряженія экономическихъ силъ. Требовались колоссальные расходы на армію. Чтобы покрыть эти расходы, было необходимо или огромное и высокое обложеніе имущихъ классовъ, которое должно было поглотить не только ихъ прибыли, но и часть основного капитала, или требовалось переложеніе военныхъ расходовъ на неимущіе и малоимущіе классы, не имѣющіе достаточной политической силы для сопротивленія такому переложенію на нихъ военной тягости.

Прусское юнкерство и руководящіе промышленные и финансовые круги оказались достаточно сильными, чтобы не только переложить почти всю тяжесть военныхъ расходовъ на малоимущіе классы, но и получать повышенную прибыль благодаря „благопріятной военной конъюнктурѣ“. При сокращеніи потребленія всего гражданскаго населенія, при разореніи промежуточныхъ

среднихъ классовъ, покрывая на ихъ счетъ колоссальные военные расходы, прусское юнкерство, крупные промышленники и банкиры наживали огромные барыши.

Естественно, что при такомъ положеніи дѣла для сохраненія не только всей системы капиталистическаго строя въ Германіи, не только для сохраненія основного капитала въ рукахъ юнкеровъ и промышленниковъ, но и для сохраненія повышенныхъ прибылей этихъ группъ пришлось прибѣгнуть къ каторжному соціализму для избѣжанія острой голодовки среди народныхъ массъ.

При томъ распредѣленіи національнаго дохода, которое создалось въ Германіи во время войны, иного выхода не было. Тотъ фактъ, что при огромныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ войной къ народному хозяйству, наиболѣе сильнымъ (экономически и политически) группамъ удалось сохранить въ цѣлости свое богатство и даже пріумножить его, показываетъ, насколько оказалась сильна капиталистическая организація.

Въ русскихъ газетахъ получилось извѣстіе, что въ Германіи предполагается общая милитаризація труда. Въ этихъ сообщеніяхъ изъ германской печати говорится „о необходимости созданія, на ряду съ полевой, также и съ тыловой арміи, въ которую будутъ привлечены и женщины“. Всѣ эти данныя говорятъ за то, что „военный соціализмъ“ Германіи есть лишь временное средство при общемъ разореніи страны сохранить максимумъ экономической силы и матеріальныхъ средствъ

въ рукахъ наиболѣе экономически сильныхъ общественныхъ группъ.

Естественно, что при такомъ положеніи регулированіе потребленія и производства вызвано не слабостью этихъ группъ, а ихъ силой, ибо подъ предлогомъ спасенія страны германскіе правящіе круги такимъ образомъ спасаютъ свое состояніе.

Разсматривая подъ этимъ угломъ зрѣнія современную хозяйственную организацію Германіи, Экштейну и его единомышленникамъ пришлось бы съ еще большей осторожностью, чѣмъ это дѣлается, отнестись къ этой организаціи.

Организація хозяйства во время войны оказывается организаціей, приспособленной спеціально для покрытія военныхъ расходовъ за счетъ экономически наиболѣе слабыхъ классовъ.

Благодаря огромному значенію, которое пріобрѣла война въ глазахъ всей массы населенія и которое она, несомнѣнно, имѣетъ, вниманіе широкихъ круговъ населенія было отвлечено отъ методовъ покрытія военныхъ расходовъ и отъ послѣдствій для него при примѣненіи такихъ методовъ. Германское хозяйство, какъ и хозяйство другихъ воюющихъ странъ, приспособлялось не къ болѣе правильному распредѣленію національнаго дохода, а къ наиболѣе неправильному его распредѣленію. И такъ какъ это происходило при абсолютномъ сокращеніи предметовъ потребленія, то въ правильномъ, равномѣрномъ распредѣленіи того, что оставалось и остается для потребленія населенія заинтересованы и тѣ классы, которые получаютъ высшія

прибыли, классы, которые во время войны наживаются. Ибо только при такой системѣ распредѣленія того, что остается для потребленія населенія, оно мирится съ системой распредѣленія національнаго дохода. Иными словами, *правильное распредѣленіе предметовъ потребленія въ Германіи является необходимымъ условіемъ для наибольшаго неравномѣрнаго распредѣленія національнаго дохода*, для сохраненія высокихъ прибылей. Поэтому каторжный соціализмъ въ Германіи существуетъ не вопреки интересамъ господствующихъ тамъ классовъ, а во имя ихъ основныхъ интересовъ, при ихъ поддержкѣ.

Это очень важно принять во вниманіе при анализѣ тѣхъ хозяйственныхъ явленій, которыя происходятъ въ Германіи. И очевидно, что когда вмѣшательство государства въ регулированіе хозяйственныхъ отношеній Германіи окажется противорѣчащимъ основнымъ интересамъ господствующихъ тамъ группъ, они станутъ оказывать огромное сопротивленіе. Но, съ другой стороны, раззореніе страны при обогащеніи незначительной группы населенія повело къ раззоренію, пролетаризаціи огромной части мелкой и средней буржуазіи, той средней группы, которая своей численностью и общественнымъ индифферентизмомъ поддерживала господствующія тамъ группы юнкерства и представителей крупнаго капитала. Для этихъ обширныхъ группъ населенія каторжный соціализмъ, введенный въ Германіи, вовсе не явится соблазнительнымъ, такъ какъ онъ беретъ у нихъ все, а не даетъ ничего „Frankfurter Zeitung“ отъ 7 ноября, комментируя проектъ при-

нудительной рабочей повинности, говоритъ, что планъ фактически является грандіознымъ экспериментомъ организаціи „государства будущаго“, ибо онъ регулируетъ всю хозяйственную жизнь страны и представляетъ государству право распоряжаться по своему усмотрѣнію каждымъ частнымъ предпріятіемъ. Подобный опытъ, предпринимаемый великой державой, является безпримѣрнымъ въ исторіи“. Использованію этого грандіознаго эксперимента послѣ ликвидаціи войны будетъ оказано сопротивленіе съ двухъ сторонъ— и справа, и слѣва. Рабочая демократія, поддержанная выбитыми изъ прежняго устойчиваго положенія элементами средней буржуазіи, не можетъ примириться съ каторжнымъ соціализмомъ, какъ средствомъ повышенія долга господствующихъ классовъ при распредѣленіи національнаго дохода; не можетъ примириться съ увеличеніемъ доли капитала на счетъ интенсивнаго использованія національнаго труда. Съ другой стороны, только въ этихъ цѣляхъ господствующіе классы общества дѣлаютъ грандіозный соціальный экспериментъ и постараются разрушить его, какъ только найдутъ его для себя невыгоднымъ.

Но борьба за распредѣленіе національнаго дохода при такихъ обстоятельствахъ приводитъ неизбѣжно къ борьбѣ за власть между демократіей Германіи и ея господствующими классами аграріевъ и промышленниковъ. Такимъ образомъ, вопросъ будущаго народнаго хозяйства Германіи тѣсно связанъ съ вопросомъ о демократизаціи ея государственнаго строя и рѣшается въ связи съ соотношеніемъ силъ въ двухъ крайнихъ ла-

геряхъ организованной политической борьбы въ Германіи.

Намъ кажется, что промежуточные слои населенія Германіи, такъ много потерявшіе во время войны, будутъ противъ „государственнаго соціализма“, организованнаго во время войны, поскольку онъ стремится увеличить долю крупнаго капитала насчетъ доли другихъ классовъ общества. Это поможетъ демократизаціи политическаго строя въ Германіи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ повести и къ нѣкоторымъ кореннымъ реформамъ, къ переходу нѣкоторыхъ отраслей промышленности и нѣкоторыхъ предпріятій въ руки государства. Но слишкомъ мало основаній ожидать, что вмѣшательство государственной власти Германіи во всѣ стороны хозяйственной жизни, которое теперь происходитъ, сохранится въ такихъ же размѣрахъ и послѣ войны. Средніе классы, крестьянство, въ союзѣ съ крупной буржуазіей и аграріями, не помирятся съ мѣрами, вызванными крайней нуждой, не помирятся, чтобы эти мѣры послѣ войны были направлены противъ нихъ, т.-е. чтобы „военный соціализмъ“ перешелъ просто въ соціализмъ. Для этихъ классовъ, которые будутъ имѣть огромное значеніе въ борьбѣ за власть, пока пріемлема только „программа минимумъ“ соціалистовъ съ тѣми добавленіями, которыя вытекаютъ изъ вновь создавшихся соціальныхъ отношеній, главнымъ образомъ, въ области расширенія государственной власти на сферу дѣятельности банковаго капитала, международной торговли и наиболѣе крупныхъ предпріятій, концентрировавшихъ все производство въ немногихъ рукахъ. Во всякомъ

случаѣ, какъ правильно указываетъ и Экштейнъ, обостреніе политической и соціальной борьбы въ Германіи въ недалекомъ будущемъ является неизбѣжнымъ, и ея соціально-политическій строй потерпитъ значительныя измѣненія, благодаря обострившимся за время войны соціальнымъ противорѣчіямъ.

П. Масловъ.

I. Общественно-организаціонное хозяйство для удовлетворенія потребностей и соціализмъ.

Съ боевымъ словцомъ «военный соціализмъ», которое одно время сильно волновало марксистовъ, опять стало совсѣмъ тихо, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь примѣняемые въ настоящее время методы продовольствія населенія (а къ нимъ-то, какъ это ни странно, главнымъ образомъ, и примѣнялось это выраженіе), пользуются столь малой популярностью, что способны только компрометировать идею соціализма, если ихъ выдавать за «соціалистическія». Да и фактически онѣ весьма далеки отъ всякаго соціализма. Соціалистическая продовольственная политика въ томъ смыслѣ, какъ слово соціализмъ понималось до войны, должна была бы, главнымъ образомъ, стремиться къ тому, чтобы производство жизненныхъ продуктовъ было приспособлено къ потребностямъ населенія, что, разумѣется, не можетъ быть сдѣлано сразу. При данныхъ же условіяхъ производства она должна была бы позаботиться о томъ, чтобы возможно полнѣе удовлетворить потребности населенія тѣмъ количествомъ продуктовъ, которое имѣется налицо. Для этого недостаточны тѣ мѣры, которыя такъ часто предлагаются и отчасти уже примѣняются нынѣ, какъ, напр., установленіе твердыхъ цѣнъ (таксъ) и право реквизицій, осуществляемые общинами, если бы одновременно не дѣлались рѣшительные шаги, дающіе возможность значительно понижать эти максимальныя цѣны.

Конфискація государствомъ земельной ренты есть не только старое требованіе многихъ сторонниковъ земельной реформы, полагающихъ, что этимъ они уже «разрѣшили соціальный вопросъ». Ее требовалъ еще «Коммунистическій манифестъ», какъ мѣра, которая толкаетъ къ дальнѣйшимъ мѣрамъ, выходящимъ за ея собственные предѣлы, и которая въ то же время приноситъ и непосредственную практическую пользу. Если бы, напримѣръ, государство во время войны наложило свою руку на арендную плату и проценты по ипотекамъ, оно могло бы понизить на эту сумму цѣну жизненныхъ продуктовъ продажу которыхъ оно монополизировало. Тогда населеніе не уплачивало бы, при покупкѣ каждаго фунта муки или сала, дани въ пользу землевладѣльцевъ. Конечно, сразу же очевидно, что такая рѣшительная мѣра неизбѣжно предполагаетъ полное измѣненіе политическаго соотношенія силъ и должна имѣть своимъ послѣдствіемъ полное преобразованіе современнаго соціальнаго строя. При существующихъ же условіяхъ ни о чемъ подобномъ, разумѣется, нечего думать. Вотъ почему именно въ области продовольствія не видно и намека на проведеніе соціалистическихъ принциповъ, и говорить о соціализмѣ, въ связи съ продовольственной политикой правительства, значитъ только вводить въ заблужденіе.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ, который неоднократно задается теперь и со стороны буржуазіи: «приближаетъ ли насъ война къ соціализму?»—безусловно не является праздднымъ. Въ своей интересной статьѣ [1]), помѣщенной въ первомъ номерѣ издаваемыхъ профессоромъ Грюнбергомъ «Архивовъ по исторіи соціализма и рабочаго движенія», вышедшемъ весной 1915 года, профессоръ Баллодъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Больше того, онъ полагаетъ даже, что только нѣкоторые экономисты болѣе старой школы еще

---

[1]) Karl Ballod „Einiges aus der Utopien-literatur der letzten Jahre“ („Archivs für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung“. Heft 1, 1915, S. 114).

отказываются признать правильнымъ взгляды, согласно которымъ индивидуалистическій принципъ въ народномъ хозяйствѣ отжилъ свой вѣкъ, и государство должно взять на себя регулированіе народнаго хозяйства. Зато профессоръ Лифманъ [1]) столь же категорически отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. При этомъ онъ полемизируетъ, главнымъ образомъ, со статьями профессора Яффе, помѣщенными въ «Военныхъ номерахъ», издаваемыхъ послѣднимъ «Архивовъ соціальныхъ наукъ и соціальной политики» [2]).

Чтобы занять опредѣленную позицію въ этомъ вопросѣ, нужно прежде всего точно выяснить, о чемъ идетъ рѣчь, и ясно разграничить понятія, смѣшеніе которыхъ въ спорахъ, ведущихся до сихъ поръ, уже произвело довольно большую путаницу.

Цѣлью хозяйства является удовлетвореніе потребностей. Но не всегда удовлетвореніе потребностей есть непосредственная цѣль, которую имѣютъ въ виду лица, управляющія производствомъ и товарообмѣномъ. Въ крестьянскомъ, такъ-называемомъ, «замкнутомъ натуральномъ хозяйствѣ», въ которомъ семья сама производила почти все необходимое для удовлетворенія потребностей ея членовъ, производство планомѣрно регулировалось главой семьи такимъ образомъ, чтобы производились именно тѣ продукты и въ такомъ количествѣ, какіе нужны были данному хозяйству. Въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ уже другую картину. Здѣсь не потребность членовъ семьи въ извѣстныхъ продуктахъ опредѣляетъ производство, а

---

[1]) Robert Liefmann „Bringt uns der Krieg dem Sozialismus näher?“ (Politische Flugschriften „Der Deutsche Krieg“, herausgegeben von E. Jaechhi, Heft 56, 1915, Deutsche Verlagsanstallt).

[2]) Edgar Jaffé „Der treibende Eaktor in der Kapitalistischen Wirtschaftsordnung“, „Die Militarisierung unseres Wirtschafslebens“ und „Entgegnung auf den offenen Brief von E. H. Kaemmerer“. (Archivs fur Sozialwissenchaft und Sozialpolitik, S. 3, 511 и 555).

доходность. Производятся тѣ продукты, за которые можно получить наиболѣе высокую, по сравненію со стоимостью производства, рыночную цѣну. Прибыль, получаемая такимъ образомъ, является той цѣлью, въ соотвѣтствіи съ которой и регулируется все производство. Разумѣется, достиженіе этой цѣли предполагаетъ наличность спроса на производимые продукты, т.-е. послѣдніе должны удовлетворять дѣйствительную общественную потребность. Но руководители крестьянскихъ хозяйствъ совершенно не знаютъ—или, по крайней мѣрѣ, имъ нѣтъ нужды знать—чьи потребности удовлетворяются продуктами, производимыми въ ихъ хозяйствѣ. Для нихъ имѣетъ значеніе только ихъ собственная прибыль, а не удовлетвореніе той или другой общественной потребности.

Разумѣется, на практикѣ разграничительная линія между этими двумя типами хозяйства не такъ рѣзка, какъ въ теоріи. Замкнутыя натуральныя хозяйства тоже продаютъ иногда часть своихъ продуктовъ и даже могутъ производить нѣкоторые изъ своихъ продуктовъ со спеціальной цѣлью продажи. Съ другой стороны, современный крестьянинъ производитъ отчасти для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и одни и тѣ же продукты могутъ, въ зависимости отъ условій рынка, отъ срока взноса податей и т. д., служить либо товаромъ, продаваемымъ на рынкѣ, либо предметомъ потребленія въ собственномъ хозяйствѣ.

Исторически тоже существуютъ многочисленныя переходныя ступени между этими двумя типами хозяйства. Въ средневѣковыхъ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщикъ или управитель регулировали производство въ соотвѣтствіи съ потребностями помѣстья. Если хозяйство было большое, происходило извѣстное раздѣленіе труда: вырабатывались спеціалисты-рабочіе, которые изготовляли только земледѣльческія орудія, или только ткани, одежду, обувь и т. д. (первоначально тоже исключительно въ рамкахъ этого замкнутаго натуральнаго хозяйства и по распоряженію его руководителя), а за это получили свою долю изъ продуктовъ труда остальныхъ.

Чѣмъ больше эти спеціалисты-рабочіе приближались къ самостоятельнымъ ремесленникамъ, тѣмъ въ большей степени ихъ сношенія съ остальными членами хозяйства принимали форму товарообмѣна и тѣмъ больше ихъ производство становилось независимымъ отъ указаній и распоряженій руководителя хозяйства. Ремесленникъ научился постепенно считаться не съ потребностями какой-либо общины, а съ той прибылью, которую онъ могъ получить отъ продажи своихъ товаровъ на рынкѣ.

Какъ уже видно изъ примѣра барщиннаго помѣстья, натуральное хозяйство, т.-е. хозяйство для удовлетворенія собственныхъ потребностей, отнюдь не предполагаетъ непремѣнно, что потребности *всѣхъ* членовъ хозяйства въ одинаковой мѣрѣ опредѣляютъ собой производство. Напротивъ, фактически большей частью происходило обратное Даже въ предѣлахъ натуральнаго хозяйства эксплуатація и классовыя противорѣчія не только возможны, но до сихъ поръ составляли общее правило. Рабство, напримѣръ, возможно какъ въ натуральномъ, такъ и въ товарномъ хозяйствѣ. Точно такъ же и частная собственность на средства производства не является характернымъ отличительнымъ признакомъ для этихъ двухъ типовъ хозяйства. Въ средневѣковомъ феодальномъ хозяйствѣ, напримѣръ: крестьяне зачастую имѣли полныя права собственности какъ на обрабатываемую ими землю, такъ и на земледѣльческія орудія и скотъ. Тѣмъ не менѣе, хозяйство, въ составъ котораго они входили, было натуральнымъ хозяйствомъ. Ибо оно было организовано въ интересахъ удовлетворенія потребностей самихъ крестьянъ и помѣщика феодала путемъ производства всѣхъ необходимыхъ предметовъ потребленія. Крестьяне обладали правомъ собственности на средства производства, но не правомъ свободно распоряжаться ими. Въ этомъ отношеніи они были ограничены предписаніями помѣщика.

Форма обмѣна продуктовъ труда тоже не является отличительнымъ признакомъ. Разумѣется, товарообмѣнъ соста-

вляетъ необходимую предпосылку товарнаго хозяйства. Но въ каждомъ болѣе крупномъ (Gewinnwirtcshaft) хозяйствѣ, гдѣ проведенъ принципъ раздѣленія труда, обмѣнъ продуктовъ труда между членами хозяйства является необходимостью, и даже въ натуральномъ хозяйствѣ онъ можетъ принимать тѣ же формы, въ какихъ товарообмѣнъ происходитъ нынѣ. Вспомнимъ, напримѣръ, многочисленныя соціалистическія утопіи отъ временъ Оуэна до нашихъ дней, согласно которымъ распредѣленіе продуктовъ должно происходить въ зависимости отъ затраченнаго труда и черезъ посредство «трудовыхъ купоновъ». Отъ современнаго товарообмѣна эта форма товарообмѣна существеннымъ образомъ отличается тѣмъ, что здѣсь товары производятся на основаніи заранѣе опредѣленнаго плана для удовлетворенія общественныхъ потребностей, и потому задача сводится, главнымъ образомъ, только къ доставкѣ ихъ труда, гдѣ въ нихъ имѣется надобность. Между тѣмъ въ настоящее время продукты труда отдѣльныхъ производителей производятся какъ товары, т.-е. безъ заранѣе опредѣленнаго общаго плана, а только съ цѣлью выручить прибыль при ихъ продажѣ. Слѣдовательно, рѣшающее значеніе имѣютъ не формы обмѣна, а вопросъ, ведется ли производство для удовлетворенія опредѣленныхъ потребителей, или для полученія возможно большей разницы между стоимостью производства и продажной цѣной, т.-е. что является путеводной звѣздой и цѣлью: производство ли потребительныхъ цѣнностей или мѣновыхъ.

Какъ важно именно это различіе, особенно ясно видно теперь. Теперь очень много говорятъ объ организаціи экономической жизни, но забываютъ, что вопросъ можетъ итти здѣсь о двухъ совершенно различныхъ вещахъ, имѣющихъ, правда, много внѣшняго сходства. Напримѣръ, когда синдикатъ регулируетъ производство и продажу опредѣленнаго товара, онъ дѣлаетъ это съ цѣлью по-возможности увеличить свою прибыль. То же самое дѣлаетъ и государство, когда оно, напримѣръ, изъ чисто фискальныхъ сооб-

раженій участвуетъ въ синдикатѣ или замѣняетъ косвенныя налоги монополіей. Но существенно иное значеніе имѣетъ вмѣшательство и регулированіе государствомъ процесса производства и товарообмѣна съ цѣлью удовлетворенія своей собственной потребности въ извѣстныхъ предметахъ. Въ этомъ случаѣ государство дѣйствуетъ, можетъ быть, фактически тоже въ пользу капиталистовъ. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь оно прибѣгаетъ къ этимъ мѣрамъ отнюдь не для того, чтобы непосредственно увеличить свои доходы или доходы капиталистовъ. Напримѣръ, когда во время революціи государство регулируетъ производство оружія и боевыхъ припасовъ, оно дѣлаетъ это, конечно съ цѣлью спасти отъ гибели капитализмъ и систему эксплуатаціи, но не для того, чтобы увеличить при помощи этихъ мѣръ свои собственные доходы или доходы оружейныхъ заводовъ.

Такимъ образомъ, одно констатированіе, что война привела насъ къ гораздо большей организованности экономической жизни, еще ничего не говоритъ намъ. Чтобы выяснить, въ какомъ направленіи толкаетъ война нашу экономическую жизнь, мы должны прежде всего задать себѣ два вопроса: 1) приближается ли хозяйство военнаго времени къ типу натуральнаго хозяйства, т-е. къ общественно-организованному хозяйству для удовлетворенія потребностей (Bedarfdeckungswirtschaft); и 2) будетъ ли движеніе въ этомъ направленіи продолжаться и послѣ заключенія мира? И только въ случаѣ положительнаго отвѣта на эти два вопроса, мы можемъ и должны изслѣдовать, идетъ ли движеніе также въ томъ направленіи, чтобы уничтожить эксплуатацію и упразднить классы въ этомъ новомъ видоизмѣненномъ натуральномъ хозяйствѣ. Ибо только такое общественно-организованное хозяйство для удовлетворенія потребностей, въ которомъ не будетъ ни эксплуатаціи, ни классовъ, можетъ быть названо соціалистическимъ.

2. Хозяйство военнаго времени.

Итакъ, спросимъ себя прежде всего, приблизила ли война наше народное хозяйство къ типу натуральнаго хозяйства? Надо поставить въ заслугу Отто Нейрату, что онъ уже до войны указывалъ на эту возможность въ рядѣ статей, на которыя тогда обратили слишкомъ мало вниманія [1]). Достаточно представить себѣ на мгновеніе, что и во время войны въ народномъ хозяйствѣ всецѣло господствовала бы прославленная «свободная игра силъ», то-есть свободная конкуренція, чтобы увидѣть, что въ такомъ случаѣ былъ бы неизбѣженъ общій немедленный крахъ. Интендантство должно было бы тогда покрывать всѣ свои потребности на вольномъ рынкѣ, то-есть вынуждено было бы платить баснословныя цѣны, чтобы одержать побѣду надъ частной конкуренціей. Достаточно подумать, напримѣръ, о закупкѣ лошадей въ такое время, когда сельскимъ хозяевамъ лошади нужны для уборки урожая. Въ то же время государству необходимо было бы удерживать внутри страны противъ конкуренціи заграницы сырые матеріалы, нужные для веденія войны, какъ мѣдь, каучукъ, бензинъ и т. д. и опять-таки оно могло бы это дѣлать, только предлагая чудовищныя цѣны. Каковы были бы результаты «свободной конкуренціи», это мы уже видѣли отчасти, когда въ самомъ началѣ войны различныя интендантства одно время конкурировали между собой на продовольственномъ рынкѣ, наперебой вздувая цѣны.

Еще хуже обстояло бы дѣло съ продовольствіемъ гражданскаго населенія. Первыя недѣли послѣ начала войны показали, къ какому безумному росту цѣнъ способна привести «свободная игра силъ» въ дни паники. Безъ энергичнаго вмѣшательства государственной власти положеніе дѣлъ не

---

[1]) См. напримѣръ, статью „Die Kriegswirtschaft“ въ „Jahresbericht der Neuen Wiener Handelsakademie“, Wien, 1910.

улучшилось бы въ дальнѣйшемъ, а стало бы только еще гораздо хуже. И какъ было бы использовано бѣдственное положеніе рабочаго класса, если бы рабочіе не нашли себѣ поддержки въ установленіи таксъ, въ казенныхъ пособіяхъ и во вмѣшательствѣ властей. Но не только цѣны и заработная плата сдѣлали бы неслыханные скачки; самое производство совершенно пріостановилось бы безъ регулирующаго вмѣшательства государства и различныхъ промышленныхъ и торговыхъ организацій.

Много смѣялись надъ соціалистами, которые предсказывали крахъ капитализма, когда разразилась война. Они, дѣйствительно, ошиблись. Но ихъ ошибка заключается не въ томъ, въ чемъ видитъ ее большинство ихъ нынѣшнихъ критиковъ. Если бы капитализмъ при началѣ войны былъ предоставленъ самому себѣ, онъ сразу же потерпѣлъ бы крушеніе и похоронилъ подъ своими развалинами государственную власть.

Эти соціалисты недооцѣнили не жизнеспособность капиталистической системы хозяйства, а лишь способность ея приспособиться къ требованіямъ и организаціонному строю хозяйства для удовлетворенія потребностей. Сколько разъ до войны мы слышали даже отъ соціалистовъ, что нашъ экономическій строй еще далеко не созрѣлъ для соціализаціи, что капитализмъ еще не сыгралъ своей роли, еще далеко не выполнилъ своей исторической миссіи, что техническія и организаціонныя предпосылки для будущаго строя далеко еще не имѣются налицо, и что господство пролетаріата неизбѣжно привело бы лишь къ краху. Событія послѣдняго года доказали обратное. Будь пролетарское правительство достаточно сильно, чтобы выступить такъ диктаторски, какъ нынѣ выступаетъ военная власть, тогда матеріальныя и организаціонныя предпосылки были бы налицо для созданія въ кратчайшій срокъ общественно-организованнаго хозяйства для удовлетворенія потребностей въ крупномъ масштабѣ.

Это доказала даже не столько продовольственная поли-

тика правительства, которая включаетъ (кромѣ занявшихъ главное мѣсто установленія максимальныхъ цѣнъ и ограниченія потребленія хлѣбныхъ продуктовъ) также правила о размолѣ зерна, о печеніи хлѣба, о винокуреніи, пивоваренiи, производствѣ колбасъ, убоѣ скота и т. д. Гораздо большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ энергичное и далеко идущее вмѣшательство государственной власти въ общій процессъ производства и товарообмѣна. Вспомнимъ, напримѣръ, дѣятельность отдѣла сырья съ его обширными статистическими изслѣдованіями, вспомнимъ поощряемое правительствомъ учрежденіе сырьевыхъ комитетовъ для опредѣленія потребности въ сырьѣ арміи и промышленности и для распредѣленія сырья между производителями. Вспомнимъ реквизицію кожи, металловъ, резины, прекращеніе частнаго автомобильнаго движенія, государственное поощреніе изобрѣтеній, устройство съ государственной помощью новыхъ заводовъ при условіи принятія на себя владѣльцемъ извѣстныхъ производственныхъ обязательствъ; вспомнимъ полную революцію транспортнаго и кредитнаго дѣла вслѣдствіе государственнаго вмѣшательства. Всякій, вспомнивъ все это, долженъ будетъ признать, что мы являемся свидѣтелями великаго переворота во всей нашей экономической жизни.

Но прежде всего не надо забывать, какую глубокую перемѣну во всю нашу экономическую жизнь внесло уже одно то, что государство выступило въ качествѣ потребителя въ такихъ размѣрахъ, о какихъ раньше никто никогда не помышлялъ. Очень значительная и какъ разъ важнѣйшая часть индустріи и значительная часть сельскаго хозяйства работаютъ нынѣ не на рынкѣ, а на заказъ для государства. Разумѣется, работа на заказъ еще отнюдь не означаетъ общественно-организованнаго хозяйства для удовлетворенія потребностей. Но если заказчикъ-потребитель обладаетъ силой и желаніемъ къ тому, чтобы предписывать производителямъ условія труда, выборъ сырья, цѣны на сырье и готовыя издѣлія, тогда безусловно имѣется налицо

приближеніе къ этому типу хозяйства. И если въ настоящее время подобное вмѣшательство государства не происходитъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ мы видимъ на дѣлѣ, то причина лежитъ отнюдь не въ техническихъ или организаціонныхъ препятствіяхъ, а, главнымъ образомъ, въ препятствіяхъ соціальныхъ и политическихъ.

Конечно, было бы совершенно ошибочно назвать эти новыя формы хозяйства соціалистическими только на томъ основаніи, что онѣ находятся въ противорѣчіи съ привычными капиталистическими формами. Самую прибыль правительственныя мѣропріятія нисколько не затрагиваютъ. Правда, многіе капиталисты встрѣчаютъ препятствіе въ своемъ стремленіи къ безудержной наживѣ. Но балансъ многочисленныхъ акціонерныхъ обществъ ясно показываетъ, несмотря на различныя искусственныя манипуляціи, что нажива процвѣтаетъ и нынѣ—и даже въ большей степени, чѣмъ когда-либо раньше. Болѣе того: можно сказать, что ограниченіе аппетитовъ промышленниковъ посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій было необходимо въ интересахъ самосохраненія капиталистическаго общества, которое иначе рухнуло бы, то-есть, что оно было необходимо въ интересахъ сохраненія самой прибыли.

Не въ опасности для прибыли заключается принципіально новое въ экономическихъ военныхъ мѣрахъ правительства, а въ сознательномъ отказѣ отъ принципа, что стремленіе предпринимателей къ прибыли является наилучшей гарантіей удовлѣворенія экономическихъ потребностей [1]). На мѣсто экономической анархіи появляется созна-

---

[1]) Въ своей послѣдней брошюрѣ профессоръ Лифманъ снова подчеркиваетъ то положеніе, которое онъ защищалъ и раньше: „Личное стремленіе къ барышу является тѣмъ организаціоннымъ принципомъ, который наиболѣе совершеннымъ образомъ даетъ, въ общемъ, возможность каждому человѣку получить свою долю жизненныхъ благъ, соотвѣтствующую его работѣ для другихъ“. Какъ ни чудовищна эта фраза, какъ ни вызывающе она должна звучать особенно для рабочихъ, ко-

тельное, планомѣрное и единообразное регулированіе хозяйства въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей государства. Доля производимыхъ богатствъ, достающаяся при этомъ господствующимъ классамъ, можетъ быть даже больше, чѣмъ раньше. Но она перестаетъ быть регуляторомъ производства.

Поэтому неправильно слѣдующее утвержденіе Яффе:

«Тамъ, гдѣ изгнана свободная конкуренція, гдѣ на мѣсто частной монополіи вводится монополія общественная, тамъ исчезаетъ предпринимательская прибыль, конфискованная въ пользу общества. Но тамъ и капитализмъ умеръ, ибо живетъ онъ только предпринимательской прибылью. Съ нею и ради нея онъ возникъ—съ нею онъ долженъ уйти со сцены».

Разумѣется, предпринимательская прибыль, какъ таковая, перестаетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ больше конкуренціи, а есть только государственная монополія, и тамъ капитализмъ умеръ. Но это не означаетъ непремѣнно, что плоды труда будутъ тамъ доставаться самимъ производителямъ [1]), что уничтожены эксплуатація и классовое господство. Яффе приходитъ къ этому своему взгляду потому, что для него государство есть нѣкое мистическое, стоящее надъ классами, существо, которое чувствуетъ, по крайней мѣрѣ, внутреннюю потребность олицетворять собой вѣчную справедливость [2]).

торые за изнурительный трудъ получаютъ едва достаточно для жалкаго существованія, оригинальной ея нельзя назвать. Вотъ уже сто лѣтъ апостолы гармоніи все силятся доказать, что для общаго блага не можетъ быть ничего лучшаго, какъ если каждый капиталистъ охотится за прибылью.

[1]) Право отдѣльнаго производителя на полную выручку своего труда есть реакціонная утопія. Для всѣхъ же вмѣстѣ это—основное соціалистическое требованіе.

[2]) Насколько своеобразны взгляды профессора Яффе въ этомъ отношеніи, яснѣе всего видно изъ статьи, написанной имъ для большого сборника иллюзій — книги „Рабочій классъ въ новой Германіи“ („Die Arbeiterschaft im neuen Deutschland“,

3. Организація хозяйства или свободная конкуренція послѣ войны?

Если даже согласиться со взглядомъ, что вмѣшательство государства въ экономическую жизнь во время войны несетъ съ собой принципіальное измѣненіе нашего народнаго хозяйства, все же нельзя при этомъ упускать изъ виду, что дѣло идетъ лишь о первыхъ шагахъ въ этомъ направленіи, что значительная часть производства и товарообмѣна еще мало затронута этимъ регулированіемъ, и что даже тамъ, гдѣ вмѣшательство государства чувствуется въ настоящее время всего сильнѣе, оно не настолько существенно измѣнило природу капиталистическихъ предпріятій, чтобы былъ исключенъ возвратъ къ прежнимъ формамъ [1]).

Яффе думаетъ иначе. Онъ считаетъ, что система свобод-

стр. 101, сл.). „Въ парламентской работѣ“,—пишетъ онъ тамъ,— „въ политикѣ въ болѣе узкомъ смыслѣ слова—политикѣ внутренней, какъ и внѣшней—каждый изъ насъ долженъ былъ бы принимать свою долю участія именно въ своемъ качествѣ гражданина, т.-е. въ качествѣ равноправнаго члена цѣлаго, *въ благѣ котораго онъ заинтересованъ, одинаково со всѣми своими согражданами.* Разъ мы встанемъ на эту основную точку зрѣнія, тѣмъ самымъ отпадутъ для политической дѣятельности всѣ противорѣчія интересовъ, вытекающія изъ классовыхъ точекъ зрѣнія, и въ дальнѣйшемъ рѣчь можетъ итти только о различіи взглядовъ на средства и цѣли для лучшаго содѣйствія общему интересу всѣхъ. Этимъ мы достигнемъ такого же единенія въ дни мира, какое мы могли создать, вопреки всей партійной розни, въ дни войны именно потому, что цѣли и интересы всѣхъ были одинаковы“.

[1]) Отъ переоцѣнки значенія этого вмѣшательства предостерегаетъ и Ледереръ. („Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, 6 Jahrgang, Heft 1, S. 144). Въ своей статьѣ „Организація хозяйства во время войны“ авторъ доказываетъ также, какъ именно во время войны частные интересы капиталистовъ приходятъ въ столкновенія съ интересами народнаго хозяйства.

ной конкуренціи еще до войны пережила себя, уступивъ мѣсто монополіямъ. Появленіе на этой почвѣ „промышленнаго феодализма“ онъ считаетъ „не только возможнымъ чисто экономически, но и весьма вѣроятнымъ въ результатѣ промышленнаго развитія, предоставленнаго самому себѣ“. Но эту опасность можно, по его мнѣнію, считать уже преодолѣнной, ибо „развитіе всей политической и общественной жизни настолько далеко ушло впередъ какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ свѣтѣ, что нельзя считать возможнымъ или даже только вѣроятнымъ, чтобы современные народы склонили выю подъ новымъ феодализмомъ, феодализмомъ промышленнымъ и экономическимъ... Изъ всѣхъ странъ Германіи первой предстояло вступить на новый путь: перехода монополій въ собственность и управленіе общества, какъ цѣлаго“.

Развитіе въ этомъ направленіи должно ускориться войной,—говоритъ Яффе. Мѣропріятія правительства съ цѣлью воздѣйствія на наше народное хозяйство и регулированія его идутъ именно въ этомъ направленіи. Но потребности предстоящаго мира, со своей стороны, должны еще усилить, по его мнѣнію, эту тенденцію развитія. „Опытъ нынѣшней войны показалъ, что для безопасности германскаго народнаго хозяйства необходимо, чтобы были накоплены запасы такихъ продуктовъ, которыхъ Германія не производитъ совсѣмъ или производитъ въ недостаточныхъ количествахъ (напр., изъ кормовыхъ средствъ — кукуруза и ячмень, изъ хлѣбовъ—пшеница, изъ сырья—мѣдь, нефть, бензинъ, резина, хлопокъ, шерсть, джутъ и т. д.) — запасы настолько большіе, чтобы ихъ могло хватить, по крайней мѣрѣ, для годового производства и потребленія. Для этого потребуется не только устройство государственныхъ складовъ и заполненіе ихъ, но въ дальнѣйшемъ и обширное регулированіе государствомъ цѣнъ на указанные продукты. Кромѣ того, государство изъ чисто финансовыхъ соображеній, чтобы покрыть огромные военные расходы, будетъ вынуждено прибѣгнуть къ политикѣ монополій“. Въ первую голову Яффе

рекомендуетъ монополію на табакъ, сигары и папиросы, спиртъ, нефть и спички и условно на электричество. Наконецъ, правительство будетъ вынуждено къ болѣе энергичному вмѣшательству и въ области внѣшнихъ торговыхъ отношеній. Яффе имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду созданіе „замкнутой торговой области“, долженствующей охватить прежде всего Австро-Венгрію, Балканскія государства, Турцію, можетъ быть, нѣкоторыя части западной Россіи и обширныя области Центральной Африки.

Баллодъ идетъ значительно дальше, чѣмъ Яффе, въ своихъ надеждахъ, связанныхъ съ послѣдствіями войны. Въ своей статьѣ, появившейся въ началѣ 1915 г., онъ высказываетъ тотъ взглядъ, что, если война будетъ продолжаться даже одинъ только годъ, убытки воюющихъ странъ будутъ столь велики, что средствами капиталистическаго хозяйства будетъ вообще невозможно возстановить причиненныя ею потери.

«Міровая война учитъ насъ—говоритъ онъ—какъ могутъ быть направляемы по единообразному плану огромныя массы, милліонныя арміи, какъ онѣ должны дѣйствовать для достиженія единой цѣли. Естественно приходитъ мысль, не слѣдуетъ ли послѣ войны, когда нужно будетъ возстанавливать разрушенное народное хозяйство, организовать по общему плану для этой работы возстановленія тѣ милліонныя арміи, которыя во время войны употребляются для разрушенія культурныхъ цѣнностей, накапливавшихся и создававшихся въ теченіе вѣковъ. Какъ иначе можно представить себѣ возстановленіе народнаго хозяйства при ослабленной силѣ капитала и при уменьшенной рабочей силѣ?..»

«Само по себѣ... вполнѣ мыслимо—продолжаетъ онъ—что «буржуазное» правительство, желая быстро залѣчить раны войны, употребитъ свои огромныя арміи, подлежащія распущенію послѣ войны, для такой работы возстановленія, и что, когда оно затѣмъ увидитъ, что объединеніе силъ приводитъ къ гораздо большимъ результатамъ, чѣмъ

раздробленность, существовавшая до войны, оно возьметъ въ свои руки при помощи организованной арміи рядъ отраслей производства, удлинивъ для этого срокъ военной службы и призвавъ *всѣхъ* мужчинъ призывного возраста (противъ 54%, призванныхъ нынѣ въ Германіи, 75%—во Франціи и 30% въ Россіи)».

Такимъ образомъ Баллодъ считается съ возможностью, что послѣ войны государственная власть используетъ находящіяся въ ея распоряженіи политическія и военныя силы для того, чтобы превратить капиталистическое хозяйство въ «общественно-организованное» хозяйство. Онъ считаетъ поэтому настоятельной задачей экономической науки уже теперь приступить къ разсмотрѣнію вопроса—какимъ образомъ въ современной Германіи возможно было бы путемъ организаціи хозяйства обезпечить каждому члену государства безбѣдное существованіе при умѣренномъ трудѣ? Съ этой точки зрѣнія для него пріобрѣтаютъ большое актуальное значеніе всѣ соціалистическія «утопіи», которыя раньше занимались этимъ вопросомъ [1]).

Полемизируя съ Яффе, Лифманъ говоритъ въ своей вышеупомянутой брошюрѣ (содержаніе которой лишь отчасти соотвѣтствуетъ ея заглавію), что націонализація предпріятій, совершаемая по военнымъ соображеніямъ, безусловно не можетъ быть разсматриваема какъ шагъ къ соціализму—какъ нельзя считать такимъ шагомъ и запрещеніе частной продажи многихъ продуктовъ, необходимыхъ для нуждъ войны: кожи, металловъ и т. д

Эти товары безусловно будутъ немедленно вновь предоставлены свободной продажѣ, какъ только минуетъ военная надобность въ нихъ. Но даже тамъ, гдѣ дѣло дошло до государственныхъ монополій, послѣднія были бы такъ

---

[1]) См. особенно *Атлантику* съ „Производство и потребленіе въ соціалистическомъ государствѣ“, *Каутскій* „На другой день послѣ соціальной революціи“ и Popper-Lynkens „Die algemeine Nährpflicht als Lösung des sozialen Frage“ Dresden 1912 г.

же далеки отъ соціализма, какъ, напримѣръ, націонализація желѣзныхъ дорогъ или табачная монополія. Изъ всѣхъ мѣропріятій военнаго времени, при помощи которыхъ государство пыталось упорядочить экономическую жизнь, самое большое значеніе и для будущаго имѣетъ, пожалуй, установленіе таксъ. Но эту мѣру нельзя назвать ни новой, ни соціалистической. Своими таксами государство скорѣе только вноситъ поправки къ цѣнамъ свободнаго товарнаго обмѣна; послѣдній не уничтожается, частная собственность не ограничивается. Установленіе таксъ и принудительной продажи нѣкоторыхъ продуктовъ имѣетъ цѣлью только воспрепятствовать сильно возросшей, благодаря войнѣ, мозможности образованія и использованія частныхъ монополій. И націонализація дѣла продовольствія населенія хлѣбомъ тоже не соціалистическая мѣра, ибо она ни въ коемъ случаѣ не измѣняетъ экономическаго строя механизма производства и сбыта.

Въ вопросѣ о возстановленіи хозяйствъ послѣ заключенія мира Лифманъ встаетъ на точку прямо противоположную Баллоду, со взглядами котораго онъ впрочемъ еще не былъ, видимо, знакомъ, когда писалъ свою брошюру. Именно потому, что экономическое бремя войны такъ огромно, Германія болѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ нуждаться въ частной предпріимчивости въ области экономической жизни. Если даже посредствомъ монополій на табакъ, водку, нефть и т. д. будутъ созданы новые фискальные источники доходовъ, то эти источники могутъ, вѣдь, приносить доходы только въ томъ случаѣ, если населеніе въ состояніи покупать эти монополизированные товары. Слѣдовательно, доходность монополій зависитъ отъ результатовъ частной предпріимчивости, да и сами монополіи, чтобы достичь своей цѣли, должны вестись частно-хозяйственнымъ образомъ.

Ясно, что въ своей аргументаціи Лифманъ исходитъ изъ примитивнѣйшей либеральной идеологіи. Экономическаго вопроса о расточеніи богатствъ и особенно силъ при си

стемѣ свободной конкуренціи онъ вообще не касается, а ограничивается избитой фразой о великомъ и необходимомъ дѣйствіи свободной иниціативы и «личной энергіи».

Ближе къ дѣлу возраженія, дѣлаемыя имъ Яффе. Но они основываются на рядѣ недоразумѣній: оба автора смѣшиваютъ въ одну кучу совершенно различныя понятія и точки зрѣнія.

Самъ Яффе говоритъ только объ «общественно-организованномъ» хозяйствѣ и категорически оговаривается, что таковое отнюдь не равнозначуще соціализму. Однако, это не мѣшаетъ Лифману неоднократно упрекать его въ пропагандированіи соціализма. Но у самого Яффе понятіе «общественно-организованнаго» хозяйства не свободно отъ неясностей, главнымъ образомъ, потому, что Яффе заранѣе считаетъ, что всякое государственное регулированіе хозяйствъ совершается въ общихъ интересахъ всѣхъ. Въ его «общественно-организованномъ хызяйствѣ» понятія хозяйства для удовлетворенія потребностей и общаго блага сливаются съ понятіемъ государственнаго регулированія экономической жизни.

Вопросъ о томъ, насколько и послѣ войны будутъ налицо тенденціи къ организаціи народнаго хозяйства по типу хозяйства для удовлетворенія потребностей—этотъ вопросъ, по моему, совершенно не разрѣшенъ Яффе. Прежде всего, что касается монополій для фискальныхъ цѣлей, о которыхъ и Баллодъ говоритъ, какъ о первыхъ шагахъ къ будущему общественно организованному хозяйству, нельзя пройти мимо возраженія Лифмана, что такія монополіи достигаютъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, если онѣ ведутся на основаніи принциповъ частныхъ капиталистическихъ предпріятій. Отъ частныхъ монополій онѣ отличаются только въ политическомъ, а отъ акцизовъ и промысловаго налога только въ техническомъ отношеніи. Напримѣръ, для потребителей и для занятыхъ въ производствѣ рабочихъ не существуетъ разницы въ томъ, кѣмъ монопо-

лизирована табачная промышленность—синдикатомъ или государствомъ.

Да и въ техникѣ веденія дѣла тоже не будетъ, вѣроятно, никакой существенной разницы. Въ методахъ производства, въ установленіи продажныхъ цѣнъ, равно какъ и въ закупкахъ, правительство, какъ и любой синдикатъ, будетъ слѣдовать принципу наивысшей доходности предпріятія. Изъ получаемой чистой прибыли государство большую часть должно будетъ отдавать бывшимъ табачнымъ промышленникамъ, въ качествѣ выкупныхъ суммъ. Если, сверхъ того, останется что-нибудь, то для потребителей результатъ этой монопольной политики ничѣмъ не будетъ отличаться отъ акциза на папиросы, который существуетъ у насъ уже теперь. Слѣдовательно, введеніе табачной монополіи никоимъ образомъ не было бы приближеніемъ къ «хозяйству для удовлетворенія потребностей»; и даже въ отношеніи способности табачной промышленности къ централизаціи оно доказало бы и означало не больше, чѣмъ частная монополія.

Приведенный Лифманомъ примѣръ національзаціи желѣзныхъ дорогъ выбранъ, правда, весьма неудачно, ибо именно государственное управленіе желѣзными дорогами имѣетъ величайшее непосредственное значеніе для нуждъ государства, для перевозки войскъ и т. д., какъ это особенно ясно обнаружилось нынѣ. Кромѣ этого, желѣзнодорожное хозяйство, подобно почтѣ, ведется не вполнѣ по частнокапиталистическому (то-есть, въ данномъ случаѣ фискальному) принципу; ибо здѣсь въ значительной степени принимаются во вниманіе интересы правящихъ классовъ, т.-е. государства. Конечно, и нефтяная или электрическая монополія могла бы такимъ же образомъ служить въ большей степени удовлетворенію потребности страны, чѣмъ фискальнымъ интересамъ казны. Но если она будетъ введена при такомъ финансовомъ положеніи, какого надо ожидать послѣ окончанія войны, то мало надежды, что при ея ор-

ганизаціи будутъ считаться съ другими соображеніями, кромѣ чисто фискальныхъ.

Образованіе запасовъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ и сырыхъ матеріаловъ, котораго Яффе ожидаетъ, какъ слѣдствія войны, лежитъ дѣйствительно въ направленіи хозяйства для удовлетворенія потребностей. Но не говоря ужъ о томъ, что весьма сомнительно, чтобы какая-либо изъ воюющихъ сейчасъ странъ была въ состояніи въ ближайшее время достать средства для образованія такихъ запасовъ, многое будетъ зависѣть здѣсь и отъ того, въ какихъ формахъ будутъ организованы закупка и продажа этихъ товаровъ, слѣдовательно, и здѣсь уже мы не можемъ предвидѣть никакого существеннаго приближенія къ системѣ «хозяйства для удовлетворенія потребностей», въ особенности потому, что здѣсь вопросъ идетъ только о торговлѣ, а не о производствѣ продуктовъ.

4. Проектъ Баллода.

Разсужденія Баллода развертываютъ передъ нами серьезную проблему. Дѣйствительно, трудно себѣ представить, какъ можно было бы въ скоромъ времени исправить ужасный вредъ, причиненный войной народному хозяйству [1]), съ помощью старыхъ хозяйственныхъ методовъ — особенно, если соревнованіе въ вооруженіяхъ будетъ продолжаться и послѣ заключенія мира. Безъ сомнѣнія, раціонально орга-

[1]) Яффе наивно замѣчаетъ: „вѣдь отъ этой войны мы можемъ и должны ожидать усиленія нашей экономической и національной мощи, далеко превосходящаго все, что было до сихъ поръ“. Къ сожалѣнію, онъ не говоритъ, какъ онъ себѣ представляетъ это усиленіе, въ качествѣ слѣдствія міровой войны, которая по необходимости ведетъ къ обѣднѣнію всѣхъ участвующихъ въ ней странъ и которая, повидимому, кончится только полнымъ—не однимъ финансовымъ, но и экономическимъ—крахомъ, по крайней мѣрѣ, одной изъ обѣихъ воюющихъ группъ державъ.

низованное и ведущееся хозяйство для удовлетворенія потребностей могло бы помочь несравненно больше, чѣмъ система капиталистической конкуренціи съ ея огромнымъ расточеніемъ богатства и силъ. Но основной вопросъ заключается въ томъ, *кто* обладаетъ желаніемъ и силой для осуществленія такой коренной реорганизаціи системы хозяйства?

Баллодъ считаетъ субъектомъ такого желанія и силы государственную власть, которая и ему тоже кажется чѣмъ-то, стоящимъ *надъ* классами и обществомъ. Нынѣшнее военное время даетъ основанія для укрѣпленія вѣры въ независимость государственной власти. Эта война, которая по своимъ послѣдствіямъ непосредственно повредитъ въ большей степени и интересамъ господствующихъ классовъ *всѣхъ* воюющихъ странъ, война, которой прямо желала только небольшая кучка лицъ, заинтересованныхъ въ поставкахъ предметовъ вооруженія, а также военные круги и часть интеллигенціи, и во время которой государственная власть обнаружила себя, какъ самодержавнѣйшая и высшая сила, когда-либо царившая надъ людьми,—эта война дала намъ, казалось бы, ясное доказательство того, что государственная власть является вовсе не слугой и исполнительницей воли господствующихъ классовъ, а самостоятельной и независимой силой, которая повинуется только собственнымъ законамъ [1]). А между тѣмъ это только иллюзія. Разумѣется, нынѣшняя народная армія, созданная всеобщей воинской повинностью, не является такимъ орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ, какимъ были наемныя арміи 17-го вѣка. Средства всегда имѣютъ тенденцію стать самодавлѣющей цѣлью, и это особенно ясно видно на примѣрѣ современныхъ организацій—организацій не только

[1]) Въ статьѣ „Къ соціологіи міровой войны“ Эмиль Ледереръ защищаетъ этотъ взглядъ („Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“, 39. Band. S. 347). Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ остановиться на его интересныхъ разсужденіяхъ.

рабочихъ, но и всякихъ другихъ. Столь могущественная организація, какъ современная армія, во время своего дѣйствія уже не можетъ быть управляема силами, стоящими внѣ ея; она развиваетъ собственную закономѣрность, которая толкаетъ ее впередъ въ опредѣленномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, она не утрачиваетъ своего характера орудія, долженствующаго служить опредѣленнымъ интересамъ. Испрашиваніе военныхъ кредитовъ, которое время отъ времени происходитъ во всѣхъ воюющихъ государствахъ, за исключеніемъ Австріи, и вотированіе ихъ парламентами не есть просто декорація, какъ думаетъ Ледереръ.

Оно имѣетъ то весьма реальное значеніе, что испрашивается каждый разъ снова согласіе народныхъ представителей на дальнѣйшее примѣненіе военной машины. Разумѣется, отклоненіе этихъ кредитовъ не остановило бы военной машины сразу.

Примѣръ Австріи показываетъ, что можно обходиться и безъ этого одобренія кредитовъ; но только потому, что населеніе Австріи (если не все, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной своей части) согласно на продолженіе войны. При этомъ суть не въ томъ, отвѣчаетъ ли продолженіе войны *интересамъ* различныхъ классовъ населенія, а въ томъ, отвѣчаетъ ли оно ихъ *желанію*, что не всегда непремѣнно совпадаетъ. Противъ рѣшительной воли и желаній крупныхъ берлинскихъ банковъ и рейнско-вестфальскихъ крупныхъ заводчиковъ даже самая сильнѣйшая нѣмецкая военная власть не могла бы продолжать войны.

Конечно, это еще далеко не дѣлаетъ армію простой исполнительницей воли этихъ финансово-капиталистическихъ силъ. Сохраненіе въ цѣлости арміи, какъ оружія, посредствомъ котораго они могутъ защищать свои интересы, какъ внѣ границъ государства, такъ и внутри страны, настолько важно для этихъ круговъ, что они лучше поступятся многими своими желаніями и даже примутъ на себя много жертвъ, только бы это оружіе не подвергалось опасности быть сломаннымъ. Сознаніе ея необходимости,

сознаніе, что безъ нея не могутъ обойтись, придаетъ представителямъ военной силы особый авторитетъ и, со своей стороны, содѣйствуетъ обманчивой внѣшности, будто государственная власть независима отъ воли господствующихъ классовъ.

Но въ дѣйствивельности эта обманчивая внѣшность можетъ сохраняться только до тѣхъ поръ, пока государственная влась не вступаетъ въ прямое противорѣчіе съ интересами и волей этихъ классовъ. Если она попробуетъ это сдѣлать, тогда ея могущество скоро натолкнется на свои предѣлы, даже въ такомъ военномъ государствѣ, какъ Пруссія.

Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ слѣдующемъ: отвѣчаетъ ли интересамъ правящихъ классовъ проектъ Баллода использовать по окончаніи войны армію для возстановленія народнаго хозяйства, и захотятъ ли это классы подчиниться осуществленію этого плана?

Чтобы разобраться въ этомъ, нужно прежде всего составить себѣ ясное представленіе о томъ, какова будетъ эта «милитаризація» народнаго хозяйства. Вѣдь въ этой области рисуются довольно обширныя возможности. Нѣкоторыя исходныя точки даетъ, пожалуй, то положеніе вещей, которое существуетъ сейчасъ на заводахъ, работающихъ на оборону.

Условія труда и заработная плата подчинены контролю властей. Рабочіе лишены права союзовъ, но зато государство даетъ имъ извѣстную защиту отъ произвола предпринимателей. Легко можно себѣ представить, что въ подобныхъ милитаризированныхъ предпріятіяхъ будетъ научно установлено, при какомъ питаніи, какой одеждѣ, какихъ жилищныхъ условіяхъ и т. д., а также при какой продолжительности рабочаго дня и при какомъ темпѣ работы достигается самое полное, самое цѣлесообразное использованіе машинъ и рабочей силы, и что правительство затѣмъ предпишетъ эти условія труда какъ предпринимателямъ, такъ и рабочимъ. Зачатки такой раціонализаціи процесса работы уже имѣются налицо въ системѣ Тэйлора.

Сюда присоединилось бы, вѣроятно, (тоже какъ дальнѣйшее развитіе уже имѣющихся налицо тенденцій) государственное воздѣйствіе на предпріятія въ области снабженія сырьемъ и вспомогательными матеріалами, право контроля надъ ввозомъ и вывозомъ и фактическая монополизація торговли важнѣйшими продуктами, а также, можетъ быть, монополизація электрическаго дѣла (производства и передачи электрической силы).

Разумѣется, осуществленіе этой системы можно себѣ представить въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Можно предположить, напримѣръ, что только извѣстныя категоріи предпріятій будутъ подчинены этой «милитаризаціи», напр., «тяжелая» индустрія и крупныя сельскохозяйственныя предпріятія, между тѣмъ, какъ мелкія хозяйства будутъ совершенно изъяты изъ нея, а въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, изготовляющихъ газовые фабрикаты и т. д., будетъ введена та же система въ ослабленномъ видѣ. Можно себѣ представить, что милитаризаціи будетъ подчинена вся рабочая сила страны или же только мужчины въ извѣстномъ возрастѣ и т. д. Но какъ бы ни представлять себѣ дѣло въ частностяхъ, можно признать, что основныя черты системы въ общемъ будутъ, по всей вѣроятности, соотвѣтствовать нарисованной выше картинѣ.

Мнѣ кажется, можно не сомнѣваться, что бюрократія и офицерство не будутъ ничего имѣть противъ такихъ мѣръ, которыя расширятъ сферу ихъ дѣятельности и тѣмъ самымъ значительно увеличатъ ихъ власть и престижъ; такимъ образомъ на сторонѣ этихъ мѣръ оказалась бы значительная часть интеллигенціи, имѣющей такое большое вліяніе на «общественное мнѣніе». Крупныхъ помѣщиковъ тоже было бы, вѣроятно, не трудно расположить въ пользу этихъ мѣръ, если бы послѣднія не угрожали ихъ земельной рентѣ, которая сильно возрастаетъ благодаря войнѣ, то-есть, если бы въ новомъ милитаризованномъ хозяйствѣ при установленіи максимальныхъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты въ основу клались бы, какъ это дѣлается теперь,

цѣны рынка свободнаго, но защищеннаго высокими пошлинами. Они тѣмъ хотнѣе согласились бы на эти мѣры, что по окончаніи войны будетъ съ одной стороны ощущаться (по крайней мѣрѣ, временно) недостатокъ рабочихъ рукъ и особенно рабочаго скота и машинъ, а, съ другой стороны, кредитъ станетъ мало доступнымъ.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ промышленностью. У владѣльцевъ гигантскихъ предпріятій, у могущественныхъ королей металлургической промышленности, у владѣльцевъ пароходныхъ предпріятій и т. д. не будетъ, пожалуй, много возраженій противъ милитаризаціи ихъ предпріятій. Опытъ военнаго времени, вѣроятно, устранилъ уже и еще устранитъ много предразсудковъ, стоящихъ на пути къ этому. Но, конечно, и здѣсь тоже необходимо сохранить колоссальные барыши этихъ предпріятій, если хотѣть, чтобы ихъ владѣльцы не возражали противъ новой системы. Именно эти круги и раньше уже были главной опорой милитаризма и имперіализма. Они всегда требовали, чтобы военная сила государства служила ихъ стремленію къ наживѣ. Поэтому не только всякое усиліе государственной власти было бы имъ на руку; они радостно привѣтствовали бы ее, если бы милитаризація экономической жизни сопровождалась проникновеніемъ милитаризма экономическимъ духомъ, то-есть, если бы усилившійся милитаризмъ цѣликомъ ушелъ на служеніе ихъ интересамъ, на защиту послѣднихъ какъ на внѣшнемъ рынкѣ, такъ и въ собственной странѣ. Уже теперь въ современной печати раздаются голоса, указывающіе, что въ этихъ кругахъ ожидаютъ, какъ результата войны, что каждый нѣмецкій комми-вояжеръ за границей будетъ, выражаясь образно, возить съ собой пулеметъ въ своемъ ящикѣ съ образцами, и что военная сила отнынѣ будетъ не только обезпечивать доходность внѣшняго рынка, но прямо-таки принуждать другія страны открывать рынки и покупать нѣмецкіе товары.

Но рядомъ съ крупно-промышленными и финансовыми королями есть еще огромная армія капиталистовъ средней

руки, которые надѣются пробиться впередъ именно путемъ конкуренціонной борьбы съ себѣ подобными. Это—носители той «личной энергіи», о которой Лифманъ говоритъ съ такимъ упоеніемъ. Въ этихъ слояхъ буржуазіи, въ рядахъ которыхъ еще имѣются люди съ шестизначными цифрами и представителемъ интересовъ которыхъ сейчасъ является, пожалуй, «Центральный Союзъ германскихъ промышленниковъ», милитаризація и бюрократизація экономической жизни, навѣрное, встрѣтили бы рѣшительное сопротивленіе. Но сила этого класса уже и до войны была не такъ велика, а война еще больше поколеблетъ его положеніе. Сюда принадлежатъ прежде всего производители и продавцы предметовъ роскоши (понимая «роскошь» въ широкомъ значеніи слова), которые больше всего страдаютъ сейчасъ отъ войны.

Въ своей часто цитируемой статьѣ, помѣщенной въ вѣнской «Neue Freie Presse», Вальтеръ Ратенау еще въ 1909 году заявилъ:

«На самомъ безличномъ и самомъ демократическомъ полѣ дѣятельности, гдѣ суверенная публика общаго собранія акціонеровъ рѣшаетъ, согласно своей конституціи, назначеніе и смѣщеніе, за послѣдніе полвѣка образовалась олигархія, такая же закрытая, какъ олигархія древней Венеціи. Триста человѣкъ, изъ которыхъ каждый знаетъ каждаго, управляютъ экономическими судьбами континента и ищутъ себѣ преемниковъ изъ своихъ близкихъ и приближенныхъ».

Можно подумать, что Ратенау немного преувеличилъ, чтобы сдѣлать болѣе наглядной тенденцію, которая имѣется налицо. Но достаточно взглянуть фактически на сопоставленія относительно современныхъ монополій, сдѣланныя Филипповичемъ по даннымъ новѣйшей литературы въ Грюнбергскомъ «Архивѣ по исторіи соціализма», чтобы видѣть, какъ далеко уже зашелъ этотъ процессъ, и какъ незначительна можетъ быть власть у капиталистовъ, не входящихъ въ составы синдикатовъ, картелей и трестовъ и не находящихся въ зависимости отъ банковъ.

Поэтому, отъ этихъ слоевъ буржуазіи врядъ ли можно ожидать болѣе энергичнаго сопротивленія, чѣмъ отъ «мелкой буржуазіи»—довольно обширнаго еще класса, который ведетъ отчасти паразитическое, но по преимуществу совершенно самостоятельное существованіе, и который значительно уменьшится численно вслѣдствіе войны, а главное будетъ лишенъ послѣдней обезпеченности существованія. Для многихъ представителей этого класса перспектива возможности принять на себя роль и функціи унтеръ-офицеровъ въ великой арміи труда будетъ, вѣроятно, весьма заманчива.

Тѣмъ не менѣе, можно еще сомнѣваться, не помѣшаютъ ли осуществленію этого плана или, по крайней мѣрѣ, не задержатъ ли его осуществленіе сильныя тренія, неизбѣжныя при столь коренной ломкѣ нашего народнаго хозяйства, и многочисленныя затрудненія и противорѣчія, тоже неизбѣжныя при проведеніи въ жизнь подобнаго плана.

Но тутъ на сцену выступаетъ моментъ, который, насколько мнѣ извѣстно, еще недостаточно оцѣненъ до настоящаго времени, но который легко можетъ имѣть рѣшающее значеніе.

5. Народное хозяйство послѣ войны.

Современное экономическое положеніе Германіи и Австріи представляетъ нѣкоторое сходство съ положеніемъ Англіи во время продолжавшейся свыше двухъ десятилѣтій войны ея съ французской республикой и Наполеономъ. Поэтому изученіе экономическаго вліянія этой войны на Англію имѣетъ въ настоящее время большое значеніе и интересъ.

Еще въ 1815 году, непосредственно передъ окончательнымъ заключеніемъ мира, англійскій статистикъ Колькхунъ могъ съ гордостью констатировать [1]):

---

[1]) P. Colquhoun. Treatise on the Wealth, Power and Resources of the British Empire, London, 1815, s. 49.

Въ исторіи Британской Имперіи наступила эра, открывающая рессурсы, вызвавшіе изумленіе и, можетъ быть, зависть всего цивилизованнаго міра. Необычайное накопленіе богатствъ, происходившее во время войны, не знающей примѣра по затраченнымъ на нее средствамъ, съ такой быстротой, которая превзошла ожиданія самыхъ сангвиническихъ наблюденій,—дѣлаетъ эту войну интереснымъ предметомъ изслѣдованія».

А всего нѣсколько лѣтъ спустя другой компетентный и точный изслѣдователь, Джозефъ Лоу, писалъ уже слѣдующее объ экономическихъ послѣдствіяхъ той же самой войны [1]):

«Война, на которую нѣкогда смотрѣли какъ на время нужды и обнищанія, на этотъ разъ пріобрѣла видимость періода благоденствія. Правда, она закончилась большимъ увеличеніемъ нашего государственнаго долга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такимъ увеличеніемъ нашего національнаго дохода, которое, повидимому, вполнѣ уравновѣшивало первое, ограничивая наши потери только потерей извѣстнаго числа нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ, павшихъ въ бою. Миръ—думали мы—принесетъ намъ закрѣпленіе тѣхъ выгодъ, которыя мы завоевали на полѣ брани и формулировали въ мирномъ договорѣ. Но въ дѣйствительности оказалось не то: каждый новый годъ обнаруживалъ новыя финансовыя затрудненія, новыя потери въ нашихъ матеріальныхъ рессурсахъ».

При объявленіи войны въ 1793 году, въ Англіи разразился, правда, довольно значительный кредитный кризисъ. Но этотъ кризисъ, какъ доказалъ Тукъ [2]), былъ слѣдствіемъ не столько объявленія войны, сколько спекуляціи и чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ въ Европѣ и Америкѣ. Во время войны въ Англіи, къ общему удивленію,

---

[1]) Foseph Lowe, The présent State of England, London, 1823, s. 20, 2 edition.

[2]) Thomas Tooke, A. History of Prices, London, 1838 I vol, S. 117.

наступилъ, несмотря на различныя колебанія, значительный подъемъ экономической жизни. Поэтому всѣ ожидали, что заключеніе мира въ особенности вызоветъ огромный расцвѣтъ англійской промышленности. И велико должно было поэтому быть изумленіе всѣхъ, когда произошло какъ разъ обратное. Послѣ заключенія желаннаго мира Англія пережила первый крупный кризисъ, который тяжелымъ гнетомъ лежалъ на ея экономической жизни вплоть до 1824 года и даже больше, и котораго не могло устранить даже временное оживленіе торговли въ 1817 и 1818 гг.

Экономическая литература того времени полна изумленія по поводу этого страннаго явленія и его соціальныхъ послѣдствій. Яснѣе всего его слѣды видны, пожалуй, въ «Principles of Political Economy» Роберта Мальтуса (первое изданіе вышло въ 1820 году). Вся теорія этого автора относительно значенія для экономической жизни непроизводительнаго потребленія основывается на экономическихъ фактахъ періода, непосредственно слѣдовавшаго за 1815 годомъ.

Въ дѣйствительности Мальтусъ сдѣлалъ лишь неправильное обобщеніе правильнаго наблюденія. Народное хозяйство Англіи въ годы войны въ значительной мѣрѣ приспособилось къ потребностямъ военнаго хозяйства. Заключеніе мира внезапно поставило его передъ задачей новаго «преобразованія». Но эта задача оказалась гораздо труднѣе первой. Вѣдь, при объявленіи войны неурегулированный, неопредѣленный спросъ свободнаго рынка въ значительной мѣрѣ замѣняется заранѣе урегулированнымъ и опредѣленнымъ спросомъ государства: разнообразныя и измѣнчивыя потребности частныхъ покупателей замѣняются потребностью арміи въ товарахъ массоваго производства, по возможности однообразнаго вида и качества. При заключеніи мира происходитъ какъ разъ обратное. Промышленность, приспособившаяся и привыкшая къ изготовленію на заказъ массовыхъ товаровъ, внезапно опять вынуждена считаться съ личными потребностями частныхъ потребителей, должна

опять искать покупателей для своихъ товаровъ, гоняться за ними и отбивать ихъ другъ у друга.

Насколько труденъ переходъ отъ военнаго хозяйства къ хозяйству мирнаго времени, это англійскіе промышленники и торговцы узнали на собственномъ горькомъ опытѣ послѣ заключенія мира въ 1815 году. И все же условія были тогда во многихъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ въ настоящее время для Германіи.

Прежде всего капиталистическая промышленность играла въ экономической жизни Англіи того времени сравнительно незначительную роль; сельское хозяйство и ремесло еще въ сильной степени накладывали свой отпечатокъ на все народное хозяйство. Далѣе, доставка сырья, которое тогда далеко не играло такой роли, какъ теперь, не была затруднена въ той степени, какъ сейчасъ въ Германіи. Англія все время войны имѣла свободныя сношенія со своими колоніями и съ Америкой, за исключеніемъ краткаго періода времени; да и съ континентомъ Европы, даже во время блокады, велась значительная контрабандная торговля. Другимъ важнымъ моментомъ является то, что государства, съ которыми Англія тогда вела торговыя сношенія, были по преимуществу земледѣльческими странами, хозяйство которыхъ, конечно, терпѣло убытки отъ войны, но мало измѣнялось въ своемъ характерѣ. И, наконецъ, рынокъ для произведеній англійской промышленности было легче опредѣлить уже потому, что дѣло шло преимущественно о текстильныхъ издѣліяхъ.

Для нынѣшней Германіи положеніе дѣлъ гораздо сложнѣе. Ея хозяйство (даже сельское) приняло вполнѣ опредѣленный капиталистическій характеръ. Торговыя сношенія съ заграницей играли въ дни мира огромную роль, но теперь, благодаря войнѣ, они крайне сократились и даже совсѣмъ прекратились съ большей частью земного шара. При этомъ страны, съ которыми Германія преимущественно ведетъ торговыя сношенія, сами тоже высоко развиты въ капиталистическомъ отношеніи; война внесла глубокія

измѣненія и въ ихъ экономическую жизнь, и въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ дѣло идетъ не о большой категоріи готовыхъ фабрикатовъ, а о крайне разнообразныхъ товарахъ, къ которымъ, главнымъ образомъ, принадлежатъ средства производства, машины, желѣзнодорожный матеріалъ, полуфабрикаты металлургической и текстильной промышленности и т. д. [1]).

Въ нормальное время капиталистическое производство регулируется цѣнами. Цѣны являются основой для всѣхъ вычисленій доходности. Только тогда, когда извѣстны цѣны сырья и вспомогательныхъ матеріаловъ, цѣны машинъ и строеній и ихъ фактическое изнашиваніе, можно приблизительно разсчитать, какія цѣны можно установить на готовыя издѣлія, и только это даетъ, въ свою очередь, основу для дальнѣйшихъ расчетовъ относительно возможнаго сбыта и, слѣдовательно, размѣровъ производства. Чѣмъ сложнѣе экономическая жизнь и особенно чѣмъ длиннѣе путь, который проходитъ производство какого-либо продукта, тѣмъ труднѣе эти расчеты. Кто въ наши дни устраиваетъ доменную печь, не можетъ еще вычислить, какъ велика будетъ потребность въ готовыхъ желѣзнодорожныхъ рельсахъ, для которыхъ при ея помощи будетъ вырабатываться чугунъ; столь же мало онъ можетъ предвидѣть, съ какой конкуренціей ему придется считаться. Этимъ въ помѣщеніе капиталовъ въ такія производства вносится чисто спекулятивный моментъ, который нынѣ встрѣчаетъ нѣкоторый противовѣсъ лишь въ далеко подвинувшейся впередъ организованности нашей экономической жизни. Но и картели, синдикаты, тресты и т. д. и банки всегда принуждены исходить, при своихъ расчетахъ, изъ твердой основы цѣнъ. Конечно, они должны всегда считаться при этомъ съ измѣненіями, которыя могутъ произойти до сро-

---

1) На необычайныя затрудненія, вытекающія отсюда по окончаніи войны, указалъ уже Гюэ въ своей интересной статьѣ „Что будетъ послѣ войны“ въ Эссенской „Рабочей газетѣ“ отъ 4 октября 1915 г.

ка заказа: но опытъ и статистика даютъ и для этого извѣстныя исходныя точки.

Но чѣмъ должна будетъ руководствоваться наша промышленность, когда кончится нынѣшняя война? Торговыя сношенія съ заграницей прерваны. Въ каждой странѣ народное хозяйство пошло за время войны по новымъ путямъ, о которыхъ до насъ доходятъ лишь очень неполныя свѣдѣнія. Во всѣхъ странахъ, не исключая нейтральныхъ, война создала совершенно ненормальныя экономическія условія и направила образованіе цѣнъ по совершенно новымъ русламъ. Кто можетъ сейчасъ сказать, напримѣръ, сколько будутъ стоить послѣ войны американская мѣдь, австрійская шерсть, египетскій хлопокъ, русская нефть и т. д., какъ высоки будутъ фрахты, или даже только, какія сложатся таможенныя отношенія и какой будетъ спросъ на эти товары? Кто будетъ въ состояніи даже въ день заключенія мира разсчитать, куда и по какимъ цѣнамъ онъ можетъ эксплуатировать товары съ надеждой на успѣхъ? Не говоря ужъ о возможности бойкота стѣсненій съ помощью провозныхъ тарифовъ и т. д., никто не можетъ знать, какъ быстро промышленность собственной и чужой страны вновь приспособится опять къ новымъ условіямъ; никто не можетъ знать, какъ быстро конкуренты изъ другихъ странъ смогутъ бросить свои товары на данный рынокъ. Даже въ области денежнаго и вексельнаго курсовъ будетъ царить самый ужасный хаосъ. Но если даже оставить въ сторонѣ доставку сырья, затрудненія въ сбытѣ и колебанія денежнаго курса, кто сможетъ опредѣлить, какъ будетъ обстоять дѣло, когда опять наступитъ свободный товарообмѣнъ съ цѣнами, на которыя сейчасъ имѣютъ большое вліяніе реквизиціи, таксы и т. д.?

Въ этомъ отношеніи къ искусству и способностямъ руководителей нашей экономической жизни будутъ предъявлены огромныя требованія. Для теоретика-экономиста это будетъ, безъ сомнѣнія, самое интересное время, какое только можно себѣ представить. Но практику, которому при-

дется своимъ карманомъ отвѣчать за всѣ свои ошибки и промахи, я не завидую. Много говорилось объ организаціонныхъ способностяхъ германской индустріи и ея удивительномъ умѣніи приспособляться, и она, безъ сомнѣнія, въ значительной степени оправдала эту репутацію. Но дѣйствительно серьезныя и крупныя задачи встанутъ передъ ней только послѣ войны. Тогда прославленный нѣмецкій организаторскій талантъ долженъ будетъ доказать, на что онъ способенъ.

6. Организація хозяйства и хозяйство для удовлетворенія потребностей.

Въ начаткахъ и попыткахъ центральнаго руководства нашей экономической жизнью не было недостатка и раньше. Эту цѣль преслѣдовала извѣстная, пріобрѣтавшая все больше значенія, часть нашего законодательства. На ряду съ торговымъ и таможеннымъ законодательствомъ и промысловымъ правомъ, сюда слѣдуетъ отнести прежде всего соціальное законодательство, постановленія, касающіяся денежнаго курса, банковаго дѣла и т. д., а также законодательное регулированіе торгово-промышленной дѣятельности публично-правовыхъ организацій и отчасти налоговое законодательство. Но здѣсь мы уже переходимъ въ область административной дѣятельности государства, которая тоже во все большей степени распространяется на экономическую область. Но, на ряду съ офиціальнымъ законодательствомъ законодательныхъ учрежденій и съ постановленіями властей, за послѣдніе годы въ особенности стало замѣтно явленіе, которое Пленге [1]) справедливо назвалъ «частнымъ мимоходнымъ законодательствомъ». Онъ имѣетъ здѣсь въ виду, съ одной стороны, тѣ предписанія относительно про-

---

[1]) Johann Plenge, Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt, Berlin, 1913.

изводства, цѣнъ, условій платежа и т. д., которыя правленія картелей вырабатываютъ прежде всего для своихъ членовъ, а также для своихъ поставщиковъ и покупателей, съ другой стороны, предписаніи банковъ для своихъ кліентовъ, и которыя, если вліяніе этихъ экономическихъ фактовъ достаточно велико, принимаютъ характеръ совершенно общеобязательныхъ законовъ. Но, главнымъ образомъ, Пленге имѣетъ при этомъ въ виду политикъ крупныхъ банковъ и въ особенности Имперскаго Банка. Онъ считаетъ, что это учрежденіе дошло до поворотнаго пункта своей исторіи, что «отъ метода, такъ сказать, механическаго вліянія на внутреннее направленіе рынка и на платежный балансъ нашей экономической жизни, оно переходитъ къ методу прямого вмѣшательства во всю дѣловую жизнь своихъ крупныхъ кліентовъ и конкурентовъ—вмѣшательства, которое съ формальной стороны представляется методомъ дружескихъ совѣтовъ и указаній, но фактически имѣетъ цѣлью навязать другимъ новые коммерческіе принципы для облегченія и выгодъ при веденіи собственнаго дѣла».

На ряду съ этимъ могущественнымъ центральнымъ эмиссіоннымъ банкомъ, возникъ за послѣднее время передъ войной, отчасти конкурирующій, отчасти работающій съ нимъ совмѣстно и находящійся въ зависимости отъ него, такъ называемый кондиціонный картель крупныхъ кредитныхъ банковъ; эти двѣ силы уже передъ войной фактически могли общими силами оказывать сильное давленіе на всю экономическую жизнь, указывая ей направленіе развитія, хотя имъ, можетъ быть, и не нравилось, если объ ихъ господствѣ кричали слишкомъ громко.

Характерной въ этомъ отношеніи является, напримѣръ, рѣчь, которой на мюнхенскомъ съѣздѣ банкировъ нынѣшній государственный секретарь Гельферихъ, стоявшій тогда во главѣ одного изъ крупнѣйшихъ банковыхъ учрежденій, отвѣтилъ господину Бернгарду, говорившему, что директора банковъ являются въ наши дни не только руководите-

лями банковъ, но во многихъ случаяхъ и руководителями народнаго хозяйства.

«Въ ушахъ моихъ все еще звучатъ слова, сказанныя господиномъ Бернгардомъ и произведшія на меня глубокое впечатлѣніе», скромно отвѣтилъ господинъ Гельферихъ [1]). На мгновеніе я показался себѣ гораздо болѣе великимъ и могущественнымъ, чѣмъ я когда-либо мечталъ. Господинъ Бернгардъ утверждаетъ, что мы, банкиры, являемся руководителями германскаго народнаго хозяйства. Господа, маніей величія мы до сего времени не страдали (*Смѣхъ, возгласы*: «*очень хорошо!*»). Руководители германскаго народнаго хозяйства. Подумайте, что это значитъ. Я утверждаю, что даже наше высокое имперское правительство со всѣми находящимися въ его распоряженіи силами и средствами, со всѣмъ своимъ аппаратомъ экономической политики, не можетъ руководить германскимъ народнымъ хозяйствомъ. Тутъ дѣйствуютъ силы, превышающія человѣческія способности. Мы можемъ только наблюдать, внимательно и добросовѣстно наблюдать, на подобіе того, какъ астрономъ наблюдаетъ небо; стараться составить себѣ представленіе о томъ, что будетъ и должно быть; принимать, согласно этому, свои мѣры; стараться поддерживать тѣ ростки, которые намъ кажутся желательными, содѣйствовать имъ и извлекать изъ этого нашу законную выгоду; а по отношенію къ тѣмъ росткамъ, которые намъ кажутся нежелательными, но которые, тѣмъ не менѣе, тоже появляются и, къ сожалѣнію, всегда будутъ появляться,—стараться предвидѣть ихъ появленіе и ослаблять ихъ вредное дѣйствіе. Но руководить народнымъ хозяйствомъ—это нѣчто совсѣмъ другое. Такой дерзостью мы не обладаемъ» (*Возгласы*: «*очень хорошо!*»).

Дѣло идетъ именно о степени, въ какой банкъ—и особенно центральный Банкъ—способны содѣйствовать направленію развитія, которое имъ кажется желательнымъ и за-

---

[1]) Цитируемъ по Пленге, стр. 407.

держивать нежелательное. Въ этомъ отношеніи война значительно увеличитъ силу банковъ. Въ первую голову она ускоряетъ концентрацію какъ банковыхъ капиталовъ, такъ и капиталовъ промышленныхъ предпріятій. Кромѣ того, она ставитъ всю экономическую жизнь въ гораздо большую зависимость, чѣмъ прежде, отъ посредничества кредита, т.-е. банковъ. Эта зависимость еще значительно возрастетъ послѣ заключенія мира.

Неправильно часто повторявшееся утвержденіе, что военные расходы оплачиваются изъ «сбереженій» націй. Въ дѣйствительности война ведется, главнымъ образомъ, за счетъ постояннаго капитала, въ особенности же основного.

Не говоря уже о разрушеніи строеній, машинъ, рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д., нормальное возобновленіе основного капитала происходитъ во время войны лишь въ очень незначительной степени, и въ то же время имѣющійся налицо основной капиталъ отчасти преобразуется для цѣлей военныхъ поставокъ, отчасти остается безъ движенія (что часто означаетъ прямой убытокъ); отчасти же усиленно затрачивается. Послѣ заключенія мира, возможно скорое возобновленіе основного капитала будетъ безусловно необходимо для возстановленія нормальной экономической жизни. Недостатокъ будетъ ощущаться, впрочемъ, не только въ машинахъ и т. п. Капиталъ, накопленный при нормальномъ ходѣ капиталистическаго развитія, предназначавшійся для возстановленія изношенныхъ машинъ, строеній и т. д., находившій до своего окончательнаго помѣщенія примѣненіе только въ кратковременныхъ производительныхъ помѣщеніяхъ, теперь помѣщенъ въ военные займы [1]). Норма про-

---

[1]) Уже теперь начинаетъ, повидимому, вырабатываться привычка пользоваться свидѣтельствами военныхъ займовъ въ качествѣ платежнаго средства. При общей сильной нуждѣ въ платежныхъ средствахъ, которая всюду наступитъ послѣ войны, коммерческіе круги могутъ увидѣть въ этомъ удобный выходъ для себя. Но это привело бы только къ полному разстройству денежнаго рынка и рынка капиталовъ.

цента достигнетъ головокружительной высоты, дѣла банковъ, отлично заработавшихъ уже на выпускѣ займовъ, снова пышно расцвѣтутъ, и вся промышленность и торговля будутъ смиренно лежать у ихъ ногъ.

И еще одинъ важный моментъ присоединяется сюда: съ начала войны всѣ правительства стремятся изъять золото изъ обращенія и сосредоточить его въ своихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ международныя платежныя отношенія совершенно выбиты изъ старой колеи.

Цѣнность различныхъ бумагъ, находящихся въ рукахъ различныхъ государствъ, претерпѣла измѣненія. Вексельные курсы давно перестали быть дѣйствительнымъ выраженіемъ валютныхъ отношеній и регулировать золотой потокъ. Низкіе вексельные курсы дѣйствуютъ, подобно покровительственнымъ пошлинамъ. Совершенно необычная огромная разница въ цѣнности валютъ различныхъ странъ будетъ дѣйствовать, какъ покровительственныя пошлины или вывозныя преміи, величина которыхъ измѣняется изо дня въ день. При этомъ нельзя забывать, что война не только прервала торговыя отношенія, но что за это время коренным образомъ измѣнились также отношенія задолженности. Слѣдовательно, уже по этой причинѣ платежные балансы будутъ послѣ войны совсѣмъ иными, чѣмъ до войны, и вексельные курсы поэтому станутъ еще болѣе неустойчивыми.

Къ этому еще присоединяется, что миръ, который, можетъ быть, въ концѣ-концовъ будетъ заключенъ все-таки неожиданно, непосредственно повлечетъ за собой настоящую революцію на фондовомъ рынкѣ. Безумно поднявшіяся въ цѣнѣ бумаги военной промышленности начнутъ падать съ катастрофической быстротой, между тѣмъ какъ другія бумаги, напримѣръ, акціи транспортныхъ предпріятій, начнутъ подниматься въ цѣнѣ почти столь же быстро.

Несомнѣнно, банкамъ придется бороться съ огромными затрудненіями при возстановленіи нормальнаго товарнаго обращенія. Но только они одни будутъ въ состояніи вооб-

ще хоть сколько-нибудь оріентироваться, между тѣмъ какъ отдѣльный купецъ окажется въ состояніи безсилія и часто растерянности, что, разумѣется, не помѣшаетъ тому, что безудержная спекуляція опять попытается извлечь огромные барыши изъ этого хаотическаго положенія вещей. Прежде всего для международныхъ платежей возникнетъ огромная и настоятельная потребность въ золотѣ, между тѣмъ послѣднее будетъ имѣться только у центральныхъ эмиссіонныхъ банковъ, которые всѣми силами будутъ стараться удерживать его у себя въ виду огромнаго количества выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій и другихъ бумажныхъ денегъ. Поэтому всѣ международные платежи будутъ, вѣроятно, почти цѣликомъ въ зависимости отъ предоставленія золотой валюты и такимъ образомъ отъ посредничества эмиссіонныхъ банковъ, что опять-таки еще значительнѣе увеличитъ ихъ вліяніе.

Использованіе этого вліянія будетъ въ то же время, какъ мы уже видѣли, настоятельной необходимостью для спасенія народнаго хозяйства отъ полнаго краха. Однако, представляется сомнительнымъ, чтобы банки, при всемъ своемъ могуществѣ, были въ состояніи одни справиться съ этой задачей. Здѣсь будутъ дѣйствовать силы, фактически превосходящія не человѣческія, конечно, но капиталистическія возможности. И въ виду этихъ все возрастающихъ затрудненій, въ виду предстоящаго краха легко можетъ оказаться, что капиталисты, нѣкогда столь ревниво оберегавшіе свою независимость, бросятся въ спасительныя объятія правительства, которое развернетъ передъ ними программу милитаризаціи важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства на подобіе той, которую намѣтилъ Баллодъ въ своей брошюрѣ.

Два года тому назадъ Пленге писалъ по поводу перехода Имперскаго банка отъ дисконтной политики къ стремленію властвовать надъ денежнымъ рынкомъ слѣдующее:

«Изъ этой поразительной эволюціи, при которой старое учрежденіе получаетъ новый духъ, новыя цѣли, и новыя

задачи, яснѣе всего видно, что кончилась одна историческая эпоха и начинается другая. Индивидуалистическое народное хозяйство семидесятыхъ годовъ принадлежитъ нынѣ прошлому. Но самое главное значеніе перемѣны не въ томъ, что старое отошло въ область прошлаго, а въ томъ, что есть новое, которое начинаетъ новую важную и значительную эпоху нашего народнаго хозяйства, а именно періодъ крупной организаціи и попытокъ планомѣрно и сознательно вліять на всю совокупность хозяйственной жизни и руководить ею. Можно относиться отрицательно къ этой эпохѣ, но нужно видѣть, что она наступила и будетъ развиваться дальше. Объ этой эпохѣ принято говорить, какъ о «неомеркантилизмѣ», напоминающемъ о строгомъ регулированіи хозяйственной жизни прежнимъ государствомъ. Другіе предпочитаютъ слово «соціализмъ», чтобы называть вещи ихъ собственнымъ именемъ. При этомъ имѣютъ въ виду слѣдующее различіе: *въ то время какъ агитаціонныя фразы въ печати и на народныхъ собраніяхъ сулятъ чудеса отъ осуществленія фантастическаго соціализма, суровый образъ „соціалистической“ дѣйствительности совсѣмъ иного вида, приближается все ближе и ближе, и рѣшительные шаги въ этомъ направленіи едва замѣчаются».*

Пленге хочетъ этимъ сказать, что реорганизація общества, предсказанная имъ еще до войны, произойдетъ не къ выгодѣ широкихъ массъ, но приведетъ къ деспотизму небольшого меньшинства. Но онъ впадаетъ здѣсь въ ту же ошибку, что и Яффе, смѣшивая государственное регулированіе производства съ хозяйствомъ для удовлетворенія потребностей, и то и другое—съ соціализмомъ. То, что Пленге обозначаетъ словомъ «соціализмъ», есть нѣчто принципіально отличное отъ него: это только централизованное капиталистическое хозяйство, регулируемое объединенной властью государства и банковъ. Не удовлетвореніе потребностей, а полученіе возможно большей прибыли было бы цѣлью, которую государство и крупные банки преслѣдовали

бы при этомъ регулированіи хозяйства. Не потребительная цѣнность опредѣляла бы распредѣленіе и регулированіе производства, а прибыль, получающаяся изъ разницы между стоимостью производства и продажной цѣной. Это новое хозяйство внѣшне было бы похоже на то, которое зародилось во время войны; оно использовало бы организаціонныя пріобрѣтенія военнаго времени, но по существу своему оно бы отличалось отъ него[1]).

До настоящаго времени споръ о томъ, ведетъ ли насъ война къ соціализму, былъ такъ безплоденъ, какъ мнѣ кажется, по той причинѣ, что не дѣлалось строгаго разграниченія какъ разнородныхъ понятій, имѣвшихся въ виду,

---

[1]) Въ только что вышедшей, но вообще мало интересной брошюрѣ „Военная Лекція о народномъ хозяйствѣ. Эпоха народной кооперації“. (Берлинъ, 1915, Julius Springer), Пленге, правда, нѣсколько иначе объясняетъ, что онъ понимаетъ подъ соціализмомъ. Онъ говоритъ здѣсь, что эпоха послѣ войны будетъ первой „соціалистической“, первой „экономической эпохой народной кооперації“. Органы нашей экономической жизни внѣшне останутся сначала тѣми же самыми.

„Новымъ будетъ только то, что всѣ крупные органы нашей хозяйственной жизни, образовавшіеся въ эпоху крупнаго капитализма, встанутъ въ новыя отношенія къ государству и къ волѣ общества, какъ цѣлаго, и что такимъ образомъ возникнетъ, благодаря сознательному сотрудничеству, прочная связь всѣхъ организацій нашей экономической жизни со свѣми органами государственной воли. Такова картина будущаго съ внѣшней стороны. Съ внутренней же стороны будетъ налицо сознательная готовность дѣйствовать не только ради личнаго интереса, но и работать сообща со всѣми въ качествѣ члена всего общественнаго цѣлаго, части живущаго единой жизнью общественнаго организма. *Но именно эта внѣшняя и внутренняя сторона нашего германскаго будущаго есть внѣшняя и внутренняя сущность соціализма точно опредѣляемаго*».

Весьма поучительно сопоставить это опредѣленіе понятія соціализма съ тѣмъ, которое Пленге далъ до войны. Мы видимъ здѣсь на особенно яркомъ примѣрѣ, какъ желанія и иллюзіи военнаго времени соблазняютъ человѣка, который считалъ себя выше этого, фактически пользоваться „агитаціонными фразами“ и сулить „чудеса отъ осуществленія фантастическаго соціализма“.

такъ и времени и области его примѣненія. *Во время* войны государство вмѣшивается въ производство не для того, чтобы увеличить свои доходы или прибыль капиталистовъ, а для того, чтобы получить опредѣленные предметы потребленія. Этимъ оно приближаетъ систему хозяйства къ типу хозяйства для удовлетворенія потребностей. *Послѣ* войны оно отчасти сократитъ пріобрѣтенныя за время войны организаціонныя формы экономической жизни и совмѣстно съ банками будетъ развивать ихъ дальше, но уже не въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей, а въ цѣляхъ увеличенія податей, предпринимательскихъ барышей, земельной ренты и т. д.

Война показала, что въ настоящее время уже существуетъ возможность создать крупное хозяйство для удовлетворенія потребностей. Послѣ войны все будетъ зависѣть отъ того, удастся ли использовать эту возможность въ нашемъ смыслѣ, или же финансово-капиталистическія силы используютъ государственный аппаратъ въ своихъ личныхъ цѣляхъ.

На самомъ дѣлѣ, не удивительно ли, что въ то самое время, когда ученіе Карла Маркса разбивалось въ пухъ и прахъ по меньшей мѣрѣ каждые два года, въ дѣйствительности исполнилось все то, что онъ предсказывалъ какъ относительно концентраціи предпріятій, централизаціи капиталовъ, паденія нормы прибыли и т. д., такъ и относительно соціальныхъ послѣдствій всѣхъ этихъ явленій — и что сознаніе этого начинаетъ побѣдоносно проникать въ круги буржуазнаго ученаго міра, именно тогда, когда въ нѣкоторыхъ кругахъ внутри соціалъ-демократіи пробуждаются сильныя сомнѣнія въ правильности своихъ прежнихъ принциповъ [1]).

Только въ одномъ важномъ пунктѣ могло было бы нынѣ

[1]) См. напримѣръ, написанную незадолго до начала войны статью М. Рубинова „Пророчества Маркса при свѣтѣ современной статистики“, которая была напечатана въ уже упоминавшейся въ началѣ статьѣ Грюнбергскихъ „Архивахъ“.

казаться, что Марксъ ошибся, а именно: въ своихъ ожиданіяхъ относительно революціоннаго значенія и особенно революціоннаго поведенія пролетаріата. Если, напримѣръ, прочесть статью, написанную Энгельсомъ въ 1892 году для календаря французской рабочей партіи, то сразу видно, что Энгельсъ, безусловно думавшій въ этомъ вопросѣ совсѣмъ такъ же, какъ Марксъ, ожидалъ отъ пролетаріата, въ случаѣ войны, совершенно иного поведенія, а, главнымъ образомъ, совершенно иного образа мыслей, чѣмъ то, которое явила современная дѣйствительность.

Разумѣется, сознаніе значенія классовыхъ противорѣчій и нынѣ не угасло въ рабочемъ классѣ, хотя часто оно заглушено другими чувствами. И, безъ сомнѣнія, имперіалистическіе взгляды увлекли въ свое русло только часть пролетаріата. Но все же было бы опаснымъ самообманомъ скрывать отъ себя, что въ пролетаріатѣ, особенно въ германскомъ, обнаружился такой сильный милитаристическій духъ, какого въ немъ, вѣроятно, не предполагало большинство наблюдателей.

Это милитаристическое мышленіе и настроеніе, можетъ быть, значительно усилится вслѣдствіе войны, несмотря на вызываемыя ею страданія, лишенія и жертвы, особенно если армія долгое время окажется на высотѣ своей задачи, и вслѣдствіе этого каждый отдѣльный членъ ея поднимется въ качествѣ частицы этого военнаго организма. Если еще вспомнить, что возвращающіеся солдаты въ большинствѣ случаевъ окажутся безъ вѣрнаго мѣста и заработка, что промышленная жизнь обнаружитъ характеръ величайшей неустойчивости, что многія мѣста будутъ заняты женщинами и калѣками и что рабочія организаціи будутъ не въ состояніи сразу удовлетворять всѣ предъявляемыя къ нимъ требованія, ясно, что планъ милитаризаціи нашей экономической жизни послѣ заключенія мира и съ этой стороны тоже не встрѣтитъ, пожалуй, слишкомъ сильнаго сопротивленія, если онъ будетъ гарантировать рабочимъ хоть сколько-нибудь обезпеченное существованіе.

Но здѣсь, мнѣ кажется, и находится больное мѣсто. Безъ сомнѣнія, организованное по общему плану хозяйство для удовлетворенія потребностей на подобіе того, напримѣръ, которое рисовалъ Атлантикусъ въ своей «Утопіи». скорѣе всего было бы способно до нѣкоторой степени вновь оздоровить народное хозяйство послѣ этой войны и обезпечить рабочимъ сносное существованіе. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если правящіе классы или круги не слишкомъ въ большой мѣрѣ наложатъ руку на плоды труда всей націи.

Въ своей статьѣ, которую я уже неоднократно цитировалъ, Баллодъ говоритъ, что государственное хозяйство, которое онъ имѣетъ въ виду, «отличается отъ ненавистнаго многимъ соціализма только тѣмъ, что въ немъ долженъ бы быть заключенъ компромиссъ между господствующими классами и рабочимъ классомъ». Но на какой основѣ былъ бы заключенъ такой компромиссъ? Результатомъ какихъ равнодѣйствующихъ силъ онъ могъ бы явиться?

Самъ Баллодъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Народъ мирится съ диктатурой—и это тоже новое познаніе, принесенное войной—какъ съ суровой, но неизбѣжной необходимостью. И послѣ заключенія мира онъ въ продолженіе еще нѣкотораго времени будетъ безропотно сносить диктатуру, особенно если мѣры, принятыя правительствомъ для возстановленія народнаго хозяйства, будутъ ясно, общедоступно изложены и разъяснены населенію».

Но диктатура означаетъ вовсе не компромиссъ, а какъ разъ обратное. Она предполагаетъ, что населеніе всецѣло подчиняется волѣ правящихъ классовъ. Довольно сомнительно, чтобы народъ сталъ сносить такую диктатуру «безропотно» и тогда, когда минуетъ опасность со стороны внѣшняго врага. Разъясненія, о которыхъ говоритъ Баллодъ, мало помогутъ, если они будутъ противорѣчить реальной дѣйствительности, то-есть если эта диктатура будетъ связана съ пониженіемъ уровня благосостоянія массъ. Но именно этого нужно ожидать. Возрастающая сейчасъ съ

каждымъ днемъ дороговизна не будетъ сразу устранена и послѣ заключенія мира. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что населенію придется платить по долговымъ обязательствамъ, принятымъ на себя государствомъ за время войны, въ особенности же проценты по займамъ. Въ моментъ, когда чувствительнѣйшимъ образомъ будетъ ощущаться недостатокъ въ капиталѣ, будетъ не легко извлекать крупныя суммы путемъ прямого обложенія, не говоря ужъ о томъ, что правящіе классы обнаружатъ мало желанія облагать самихъ себя налогами. Правительству придется обратиться, главнымъ образомъ, къ косвеннымъ налогамъ, пошлинамъ и монополіямъ, то-есть и съ этой стороны опять послѣдуетъ тяжелое обремененіе широкихъ массъ.

Если бы государство пожелало избѣжать этой необходимости путемъ принятія проекта въ духѣ Баллода, оно вынуждено было бы сильно понизить заработную плату рабочихъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить притязанія получателей процентовъ и т. д., а также притязанія возросшей бюрократіи и офицерскаго сословія и вообще военныхъ. Это значительно упростило бы положеніе и сдѣлало бы его болѣе яснымъ. Тогда и самые близорукіе ясно увидѣли бы, что невѣрно, какъ утверждаетъ Баллодъ, будто «разница только въ терминологіи», между тѣмъ, будетъ ли центральное руководство общественнымъ хозяйствомъ находиться въ рукахъ «государственной власти» или въ рукахъ «диктатуры пролетаріата».

Если бы было правильно представленіе Яффе и Баллода, что государственная власть представляетъ изъ себя независимую отъ классовъ силу, интересъ которой состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы сохранять въ обществѣ равновѣсіе и миръ, тогда мы послѣ войны дѣйствительно пошли бы навстрѣчу милитаризаціи всей нашей экономической, а тѣмъ самымъ и общественной жизни; демократія надолго потеряла бы всякую надежду на проведеніе—и даже только на предъявленіе—своихъ требованій, и государство будущаго было бы фактически каторжнымъ госу-

дарствомъ, въ которомъ, правда, каторжники, (или, по крайней мѣрѣ, избранная часть ихъ) содержались бы сравнительно хорошо. Если же правительство находится въ зависимости отъ правящихъ классовъ, и вынуждено заботиться объ ихъ интересахъ и служить имъ, тогда мы идемъ навстрѣчу періоду сильнѣйшихъ организаціонныхъ попытокъ въ области народнаго хозяйства, но въ то же время и періоду рѣшительной борьбы за обладаніе этимъ организмомъ.

Яффе представляетъ себѣ положеніе дѣлъ несравненно болѣе идиллически. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ коллективномъ сборникѣ «Рабочій классъ въ новой Германіи», онъ пишетъ:

«Условія труда въ будущемъ не могутъ болѣе быть результатомъ механическаго дѣйствія закона спроса и предложенія; они скорѣе должны будутъ, при всѣхъ условіяхъ, соотвѣтствовать извѣстнымъ минимальнымъ требованіямъ относительно высоты заработной платы, продолжительности рабочаго дня и положенія рабочаго въ предпріятіи».

Какимъ же образомъ будетъ достигнуто, что условія труда не станутъ впредь опредѣляться спросомъ и предложеніемъ?

«Если мы желаемъ въ будущемъ избѣжать рѣзкихъ противорѣчій, существующихъ до сего времени, говоритъ Яффе, если мы желаемъ перенести и въ періодъ мира зародившееся на поляхъ брани и спаянное кровью единство націи, то это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если въ каждомъ предпріятіи мы представимъ фактору производства — трудъ вліяніе, соотвѣтствующее его значенію въ каждомъ производствѣ».

Съ этой цѣлью Яффе предлагаетъ слѣдующее:

«Въ каждомъ предпріятіи слѣдовало бы создать организацію рабочихъ, которая избирала бы изъ своей среды представителей, участвующихъ, по соглашенію съ администраціей, въ выработкѣ условій труда и вознагражденія. Въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ представителю рабочихъ

надлежало бы дать положеніе, равное положенію руководителя технической и торговой частью. Этотъ же порядокъ слѣдовало бы распространить и на общественныя и полуобщественныя предпріятія».

Кто не ожидаетъ, что война совершенно измѣнитъ человѣческую природу, тотъ отнесется нѣсколько скептически къ подобнымъ радужнымъ перспективамъ. Огромное большинство членовъ нашихъ профессіональныхъ союзовъ не раздѣляетъ во всякомъ случаѣ подобныхъ иллюзій. Они скорѣе присоединятся къ мнѣнію Легина, который сказалъ въ своей извѣстной берлинской рѣчи, произнесенной 27 января 1915 года [1]):

«Борьба, которую намъ придется вести по окончаніи войны—ибо ни одинъ мыслящій рабочій не воображаетъ, я думаю, что послѣ войны сохранится «гражданскій миръ» и т. п.—эта борьба будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ до войны».

7. Новыя задачи.

Эта борьба будетъ, однако, отличаться отъ той, которая велась прежде, не только по степени интенсивности, но и по всему своему характеру. И, слѣдовательно, положеніе соціалъ-демократіи въ ней и по отношенію къ ней тѣмъ самымъ будетъ существенно иное. Въ одной изъ своихъ статей я сравнивалъ прежнюю тактику съ позиціонной войной въ окопахъ. Нынѣшняя война, которая всколыхнула и привела въ движеніе все, что такъ долго казалось незыблемымъ, эта война, подобно землетрясенію, разрушающему всѣ земляныя укрѣпленія, принудитъ и классы отказаться отъ позиціонной войны, по крайней мѣрѣ, хоть на первое время, и перейти къ рѣшительной атакѣ.

Но это значитъ, что для насъ наступила необходимость

---

[1]) Legien „Warum müssen die Gewerkschafts-funktion-äre sich mehr am inneren Parteileben beteiligen“? Berlin, 1915, S. 38.

измѣнить нашу тактику. До настоящаго времени мы были вынуждены ждать, пока экономическое и соціальное развитіе настолько подвинется впередъ, чтобы мы могли осуществить наши цѣли. Эта стадія, повидимому, достигнута теперь. Въ то же время развитіе капитализма достигло того пункта, гдѣ капитализмъ начинаетъ больше тормозить дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ общества, чѣмъ содѣйствовать ему. Насколько рабочій классъ каждой страны заинтересованъ въ подъемѣ промышленности и поэтому, отчасти, въ вывозѣ *товаровъ*, настолько мало онъ можетъ согласиться съ политикой, которая ведетъ къ тому, чтобы способствовать экспорту *капитала*, и тѣмъ самымъ ведетъ къ обѣднѣнію собственной страны.

Прежняя выжидательная тактика заставляла насъ придавать главное значеніе естественному ходу развитія капиталистическаго хозяйства, которое надлежало по возможности использовать для проведенія реформъ, но главнымъ образомъ для укрѣпленія политическихъ и профессіональныхъ позицій и организацій. Собственныя политическія дѣйствія для достиженія крупныхъ цѣлей должны были отступать пока на задній планъ, съ одной стороны, потому, что время казалось еще не созрѣвшимъ для осуществленія этихъ цѣлей, а, съ другой стороны, потому, что врагъ сидѣлъ слишкомъ глубоко и прочно въ своихъ укрѣпленіяхъ, чтобы генеральная атака могла имѣть шансы на успѣхъ. Вслѣдствіе такого уклоненія отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ движеніи съ теченіемъ времени вырабатывался извѣстный фатализмъ, фаталистическая вѣра въ естественный ходъ развитія, которая заставляла считать излишними всякія смѣлыя дѣйствія съ нашей стороны и привела, въ концѣ-концовъ, къ убѣжденію, что всякое крупное дѣйствіе пролетаріата, не согласное со стремленіями класса капиталистовъ или, по крайней мѣрѣ, непримиримое съ этими стремленіями, безнадежно и утопично.

Окончаніе войны поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ огромными задачами; оно заставитъ принять крупныя рѣ-

шенія и проводить ихъ въ жизнь со всей энергіей, съ напряженіемъ всѣхъ силъ. И надо уже теперь готовиться къ этому. Размѣры предстоящихъ намъ задачъ должны расширить нашъ политическій кругозоръ. Тѣмъ болѣе властно выступаетъ требованіе руководствоваться въ нашемъ поведеніи не интересами и цѣлями минутными, преходящими и имѣющими значеніе лишь для одной какой-нибудь части пролетаріата, а интересами движенія въ цѣломъ и нашей конечной цѣлью.

Экономическія предпосылки для осуществленія этой цѣли уже имѣются налицо, какъ я это доказалъ; она изъ туманной дали придвинулась на вполнѣ досягаемое разстояніе. Вопросъ теперь, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать рабочихъ духовно зрѣлыми для достиженія этой цѣли. Для этого необходимо не только усиленіе развитія ихъ классоваго самосознанія, поднятія ихъ вѣры въ себя и рѣшимости, усиленіе въ нихъ чувства солидарности со всѣми своими товарищами по классу и приданіе этому чувству организаціоннаго выраженія—для этого необходимо также, чтобы «государству будущаго» имперіалистовъ, проекту милитаризаціи всего хозяйства и всего общества была противопоставлена картина нашего собственнаго государства будущаго и показана возможность и необходимость его осуществленія.

Сдѣланная нѣкогда Атлантикусомъ попытка доказать при помощи цифровыхъ данныхъ, что наше хозяйство созрѣло для преобразованія въ хозяйство будущаго, представляется нынѣ болѣе своевременной, чѣмъ когда-либо раньше. И если профессоръ Баллодъ призываетъ къ возобновленію такихъ изслѣдованій, то этотъ призывъ можно только привѣтствовать.

Окончаніе войны поставитъ марксистовъ передъ задачей стремиться къ осуществленію старыхъ цѣлей и старыхъ идеаловъ новыми средствами, новыми возможностями, при новыхъ условіяхъ. Они не имѣютъ права пассивно отдаться на волю событій; они должны будутъ взять иниціати-

ву въ свои руки. Но для этого имъ необходимо вполнѣ развернуть свою программу, чтобы массамъ ясно было видно, что ихъ ждетъ и куда ихъ хотятъ вести.

Къ новымъ берегамъ зоветъ насъ новый зарождающійся день.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ *П. Маслова.*	III
1. Общественно-организованное хозяйство для удовлетворенія потребностей и соціализмъ. .	1
2. Хозяйство военнаго времени	8
3. Организація хозяйства или свободная конкуренція послѣ войны?	13
4. Проектъ Баллода	20
5. Народное хозяйство послѣ войны.	27
6. Организація хозяйства и хозяйство для удовлетворенія потребностей	33
7. Новыя задачи	46

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ДѢЛО“

Москва, Трубная ул., д. 33, кв. 5. Телеф. 3-92-85.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

С. Н. Прокоповичъ — **Война и народное хозяйство.** Ц. 3 руб.

П. Масловъ — **Обоснованіе земельнаго закона.** Ц. 40 к.

К. Каутскій — **Средняя Европа.** Съ предисл. А. Потресова. 2-е изд. Ц. 80 коп.

Его же — **Національное государство, имперіалистское государство и союзъ государствъ.** Авторизов. перев. Т. Р. 2-е изд. Ц. 1 р. 10 коп.

Соціалисты о текущемъ моментѣ. — Документы Великой Революціи 1917 г. — Собралъ и предисловіемъ снабдилъ В. Л. Львовъ-Рогачевскій (заканчивается печатаніемъ).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

А. Потресовъ — **Интернаціонализмъ и космополитизмъ.** Двѣ линіи демократической политики. 2-е переработ. изданіе.

М. Вельтманъ — **Интернаціоналъ смерти и разрушенія.**

А. Левенштейнъ — **Рабочій вопросъ.** Матеріалы по психологіи промышленнаго труда. Авторизов. переводъ С. Сумскаго.

Ж. Жоресъ — **Новая армія.**

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ДѢЛО“

Москва, Трубная ул., д. 33, кв. 5. Телеф. 3-92-85.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ БРОШЮРЫ ИЗЪ СЕРІИ

БИБЛІОТЕКА

СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТА:

В. Сережниковъ—**Что такое Учредительное Собраніе.** 6-е изд. Ц. 20 коп.

Его же—**Какъ укрѣпить новые порядки.** Ц. 20 коп.

П. Масловъ—**Что дѣлать съ землей.** 3-е изд. Ц. 12 к.

Его же—**Политическія партіи и земельный вопросъ.** Ц. 20 коп.

Ив. Алексѣевъ—**Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.** Ц. 15 коп.

Его же—**Какія свободы нужны гражданамъ.** Ц. 12 к.

Гр. Петровичъ—**О профессіональныхъ союзахъ.** Ц. 8 к.

Печатаются и готовятся къ печати еще до 30 №№ другихъ брошюръ, выходъ которыхъ предполагается не позднѣе конца іюля.

Каталогъ издательства высылается по полученіи 10 к.

Можно почтовыми или гербовыми марками.

6